

Оксана Обухова
(Алексей Бергман)

СЫН БЕЗУМИЯ

16+

Оксана Обухова

Сын безумия

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Обухова О.

Сын безумия / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Зафс Варнаа с самого детства знал, что отличается от остальных людей. Когда-то отец объяснил ему, что они с матерью происходят из рода латентных менталов, а поскольку телепаты в галактике под запретом, то делается все необходимое, чтобы опасный дар не проявился у Зафса. Мальчик безропотно принимает приготовленные отцом лекарства и старается подавить "всплески", как он их называет. Когда Зафсу почти исполнилось двадцать лет, правда открылась перед ним во всем драматизме: он принадлежит к расе властителей Вселенной, легисов, и само его рождение - вызов тайной силе, которая руководит Вселенной, и, значит, на Зафса открыта смертельная охота...

Содержание

Часть первая	5
Студент	5
Ведьма	29
Студент	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Оксана Обухова (Алексей Бергман) СЫН БЕЗУМИЯ

Часть первая

Студент

– Благополучие миров Оззимы всегда основывалось на разработке богатых залежей витахрома, обнаруженных семьсот лет назад экспедицией Сурана на спутниках планет этой звездной системы. – Профессор Эйринам уверенно вел лекцию к кульминационной части. Лекция длилась уже более полутора галачасов, и внимание студентов начинало рассеиваться. Огромная, напоминающая прозрачные соты аудитория была заполнена сверх меры, и если не сделать небольшой паузы-отступления, скоро она потонет в перешептывании, и возвращать внимание слушателей придется, прикладывая усилия. – Толчком для создания Содружества, как это часто бывает, послужил вооруженный конфликт! – Эйринам слегка повысил голос и, уподобившись цирковому артисту, сделал театральный жест: за его спиной возник видовой фон Туранской битвы. Сверкающие шары двух планет-гигантов и матовые сферы спутников окружали мерцающие точки боевых кораблей. Две флотилии – Оззимы и Турана – встали на изготовку и приготовились к атаке.

Аудитория затихла. Красочная видовая реконструкция битвы – завораживающее зрелище.

Перемещение в пространстве сотен линкоров и крейсеров напоминало полет светлячков на фоне черного бархата ночного неба. Скоро панораму битвы расчертят всполохи взрывов, гибнущие линкоры станут распадаться на части, сверкание искр окажется почти ослепительным...

Профессор знал, что делал. Его молодые слушатели всего лишь мальчишки и девчонки, недавно закончившие виртуальные игры в «Великие битвы». Реконструкция столь грандиозного побоища надолго вернет профессору внимание аудитории.

Впрочем, подумал Эйринам, грандиозной Туранскую битву стали считать лишь спустя два столетия после ее завершения. Поскольку именно эта битва послужила отправной точкой для летосчисления Содружества Суверенных Планет. На данный момент Содружество готовилось отметить пятисотлетний юбилей.

– На стороне Оззимы выступили сто шестьдесят шесть боевых кораблей...

– Сто шестьдесят восемь, – донесся до профессора негромкий, но отчетливый комментарий.

Эйринам повернул голову и встретился взглядом с юношей, занимавшим скамью слушателя во втором ряду.

– Простите? – приподняв брови, улыбнулся профессор.

– Я говорю, сто шестьдесят восемь кораблей, – спокойно повторил юнец.

Рядом с ним сидела невероятно привлекательная, пунцовая от стыда юная особа. Девушка кусала губы, морщилась и как будто отстранялась от приятеля-нахала, нарушившего течение лекции.

«Понятно, – мысленно усмехнулся профессор, – кавалер решил произвести впечатление на подружку. Что ж, некоторая пауза сослужит мне добрую службу...» Эйринам ослепительно и

сердечно улыбнулся – сажать в лужу молодых наглецов он предпочитал любовно и бережно, без последующих разбрызгиваний слез. Зачастую самоуверенность молодых людей основывается только на желании завоевать красотку. И в том их право.

А профессор Эйринам был добрым человеком. Он не хотел урезонивать распоясавшегося юнца и устраивать ему прилюдную интеллектуальную порку.

– И от каких же источников отталкивается ваша убежденность, молодой человек? – все с той же сердечной улыбкой поинтересовался ученый.

Юнец пожал плечами и, не отвечая на поставленный вопрос, спокойно продолжил:

– Через сорок две минуты к флотилии Оззимы примкнули два боевых корабля сванов. На левом фланге.

– Простите?.. – слегка опешил профессор. – Но...

– Вы пользуетесь общепринятой официальной версией реконструкции Туранской битвы. – Голос юноши уверенно резал тишину аудитории. Братья студенты, вытянув шеи, рассматривали нахала и от удивления даже не перешептывались.

По лицу хорошенькой соседки юнца было заметно, что она готова уползти под лавку, лишь бы только не попадать под артиллерийский обстрел любопытствующих взглядов. Она готовилась принять унижение друга как личную пощечину и злобно косилась в его сторону.

«А красотка у нас с характером, – как-то отвлеченно подумал Эйринам. – Юноши всегда влюбляются в неприступных сумасбродок. А зря... Взбалмошные девицы не всегда это заслуживают, сужу по личному опыту...»

– А вы придерживаетесь иной версии, молодой человек? – все еще с ласковой, покровительственной улыбкой произнес профессор.

– Да. Первоначальная схема битвы выглядит более достоверно...

– Ну-ну, – ободряюще кивнул историк, но почему-то внутренне сжался. – И в чем же вы находите ошибку?

– Левый фланг проваливается. Если вы переведете реконструкцию в действующий режим, то мы все увидим, как четыре корабля оззимцев разгромили цепь из восьми линкоров Турана...

– Там командовал контр-адмирал Франф! – повысил голос Эйринам. – Он – гений тактики!

– После Туранской битвы этот гений не выиграл ни одного сражения, – с усмешкой парировал юнец. – Так что появление на левом фланге двух дополнительных кораблей выглядит куда как достоверно. И эти корабли принадлежали сванам.

– Но надеюсь, вы знаете, что договор между Оззимой и Сваном был подписан спустя шестнадцать дней? – Профессор начинал нервничать, и в его голосе зазвучали недовольные нотки.

Юнец снова не ответил на поставленный вопрос, а только пожал плечами – мол, зачем обсуждать очевидное, – и продолжил:

– У вас есть более древняя реконструкция битвы? Я могу доказать свои слова...

«Вот оно, – печально подумал историк, – наказание за беспечно проработанную подготовку к лекции». Профессор прилетел в университет планеты Кухтран на симпозиум, и инициативная группа студенческого исторического общества уговорила его провести открытое выступление. Ученый диспут не входил в планы профессора, знаменитые лекции выдающегося артистичного ученого и без того собирали полные аудитории. Эйринам собирался преподавать материал в максимально занятой форме, оставить о себе обычные феерические впечатления и – улететь. Более важные научные проблемы ждали своего разрешения на другом конце галактики, лекция в университете Кухтрана была «проходной». Привычной, веселой формой обогащающего общения...

Тема Туранской битвы была еще более «проходной». Эйринам не собирался на ней останавливаться и не готовил детальной разработки сражения. Его лекция была посвящена созданию Содружества Суверенных Планет.

– Думаю, если запросить информаторий университета, то там найдется схема первоначальной реконструкции битвы, – неловко промямлил профессор, удивляясь самому себе и, прежде всего, настойчивому студенту.

– Долго, – отмахнулся юнец. – Переведите на мой монитор эту схему, я сам ее исправлю.

– По памяти? – пытаюсь сохранить лицо, усмехнулся Эйринам.

Юноша снова не нашел нужным отвечать на колкости, принял в свои руки управление видовым фоном и уверенно запустил пальцы в хитросплетение шаров, сфер и кораблей-искр.

Как замороженный следил ученый за точными, выверенными движениями студента. За спиной Эйринама на общем видовом табло перемешивался левый фланг Туранской битвы. Корабли выстраивались в иной порядок, и доказательства «провисшего фланга» становились все более очевидными.

Профессору даже показалось, что юноша мог бы перемешать и заново восстановить по памяти расположение каждого из более чем трех сотен кораблей в пространстве и провести реконструкцию битвы без единой ошибки, не прибегая к помощи информационной базы университета. Он создал новый рисунок левого фланга, хмуро прищурился в сторону общего видового фона и, наконец, удовлетворенно кивнул:

– Готово.

Если бы не видимая молодость самоуверенного студента, профессор мог бы голову заложить – юнец выглядел человеком, лично участвовавшим в событиях пятисотлетней давности. Корабли стояли именно в той последовательности, которой придерживались первоисточники.

Много позже эскиз Туранской битвы претерпел уточняющие дополнения, и ученые до сих пор спорили, какую из реконструкций считать достоверной, поскольку присутствие в битве кораблей Свана не было подтверждено материальными источниками. А военная история – наука точная. Она не допускает в схемы домыслы и слухи.

– Два корабля сванов вышли из подпространства через сорок две галаминуты после начала битвы, – глядя мимо профессора на левый фланг сражения, говорил студент. – Неожиданность их появления разрушила строй кораблей Турана, и огневая поддержка двух линкоров помогла контр-адмиралу Франфу повернуть исход сражения в свою пользу. Через шестнадцать галаминут корабли сванов вновь ушли в подпространство. Доказать их скрытое участие в битве было некому. Все корабли Турана на левом фланге были уничтожены вместе с экипажами. Все, – отчеканил студент, – я закончил.

– Присутствие линкоров Свана считается спорным фактом, – больше соглашаясь, чем возражая, произнес Эйринам. – Позднейшая реконструкция...

– Фикция, – перебил юноша. – Схему сражения подогнали под исход, не имея доказательств прямого вмешательства сванов.

– Пожалуй, – пробормотал ученый. И вдруг, оставив недовольство, вскинул голову и стал аплодировать: – Bravo! Bravo!

Притихшая аудитория сначала неуверенно, а потом все громче и громче поддержала профессора хлопками сотен ладоней. Редкое зрелище – приезжая знаменитость получила оплеуху от такого же, как они, студента – заслуживало аплодисментов. Кое-кто даже засвистел от переизбытка чувств.

Когда овации затихли, профессор театрально поклонился в сторону юнца и, подняв правую руку, воскликнул:

– Попрошу вас представиться, молодой человек! Ваши знания заслуживают громкого признания!

Красотка, что сидела рядом с юношей, уже давно сменила мину кислую на восторженную. Манипуляции с довольно сложным прибором – объемным монитором – произвели на нее требуемое впечатление, и сейчас девушка мало напоминала разъяренную фурию. С горделивым выражением лица она взирала на своего приятеля, и щеки ее розовели уже от удовольствия. Внимание всей аудитории было сосредоточено на их паре.

«Ах, молодец! Ах, проказник! – с не меньшим удовольствием подумал добряк профессор. – Добился! Выпорол заезжего лектора и... поделом!»

Но реакция странного студента продолжала удивлять ученого. Молодой человек потерянно крутил головой и принимал всеобщее одобрение с видом человека, допустившего оплошность. Казалось, что теперь не девушка, а он сам был готов спрятаться под лавку слушателя или провалиться сквозь пол и исчезнуть с глаз долой. Аплодисменты его даже не смутили, а – напугали.

– Как ваше имя, студент? – громко повторил профессор.

– Его зовут Зафс Варнаа! – звонко выкрикнула девушка, и следующие ее слова: – Он не студент, он мой сосед! – потонули в шуме возбужденного улья аудитории.

– Зафс Варнаа, – задумчиво проговорил историк и добавил громче: – А вы, случайно, не сын доктора Варнаа? Профессора медицины – Орта Варнаа?

– Да! – снова выкрикнула красотка. – Он его сын!

– Что ж... ваш отец может гордиться, он воспитал достойного потомка. И если не возражаете, я бы попросил вас дожидаться меня после окончания лекции. – Говоря все это, Эйринам смотрел совсем не на студента, а на его соседку. Почему-то профессор был совершенно уверен – юноша исчезнет из аудитории одним из первых. А вот его подружка... Она не преминет воспользоваться нечаянной славой. Такие, как она, моментов не упускают, девушка заставит парня исполнить роль соседа-проводящего до самого конца и не позволит ему сбежать. – А сейчас я бы хотел продолжить свой рассказ. Задействуйте исправленную реконструкцию, Зафс!

Сверкание макетов планет, мерцание спутников и искрящаяся россыпь кораблей пришли в движение. Всесторонняя, объемная реконструкция битвы заняла все внимание отдохнувших слушателей.

Лекция закончилась. Но группа молодых энтузиастов-историков долго не отпускала профессора. Его осыпали вопросами, пытались вызвать на диспут, но Эйринам, давно приметивший в некотором отдалении Зафса с держащей его за руку красоткой, отвечал торопливо. Девушка была готова ждать сколько угодно, но юноша, хотя и выглядевший спокойным, выдавал нетерпение и скуку недовольным блеском глаз. Зафсу Варнаа не были интересны вопросы, его не занимали ответы, он просто старался быть вежливым. Вынужденно вежливым.

И профессор это понимал.

– Позвольте мне откланяться, – не вникая в трескучую риторику очередного энтузиаста, довольно доброжелательно оборвал его Эйринам. – Я устал, и мне необходимо проветриться.

– Вы пойдете по улице? – сразу несколько студентов предложили себя в провожатые.

Но у профессора были другие ориентиры: сияющая красотка и хмурый юноша, застывший в углу.

– Да. Я хотел бы переговорить вот с этим молодым человеком.

Триумф подружки Зафса состоялся. Самые блестящие студенты ее курса были отставлены ради нее и... Зафса Варнаа. Унылые завистливые взгляды сопровождали их – профессора, ее и... Зафса – уход из аудитории.

«Надеюсь, юноша прозреет, – с доброй грустью подумал Эйринам. – Честолюбивые красотки способны испоганить жизнь любого начинающего ученого. Честолюбие не любит тени, не любит делиться. Оно – всеподавляющий стимул. И к сожалению, неискоренимо личный».

Девушка крепко держала поклонника за руку и вела его как тельца на заклание своей гордыни.

«Не удивлюсь, если, идя сюда, она держалась на полшага сзади», – почти не вслушиваясь в девичье щебетание, размышлял историк. Зафс Варнаа не был писанным красавцем и вряд ли относился к лидерам студенческой братии. Иначе, как успел заметить профессор Эйринам, его имя было бы известно в университете Мирхана.

«Итак, не лидер, не энтузиаст, не принадлежит к историческому обществу... Кто вы, Зафс Варнаа?»

– Преподавание на нашем курсе оставляет желать лучшего, – чирикала тем временем красotka. – Вот – Зафс. Он прибыл в университетский городок... чуть больше года назад, или... – Девушка тряхнула кавалера за руку и капризно надула розовые губы: – Когда ты прилетел, Зафс?

– Недавно, – буркнул тот.

– Вот я и говорю. Мы – ровесники, а он, даже не посещая курса, осведомлен о... об... – Словарный запас красотки был явно небогат, и она – наконец-то! – замолчала.

Обычно любезный профессор Эйринам не пришел ей на помощь. Исторический факультет Мирхана он считал одним из лучших в этом секторе галактики, и выслушивать увещевания не слишком умной девушки – «Мы, а конкретно я, очень способные, и в нашем недостаточном на фоне Зафса образовании повинны нерадивые преподаватели», – он не собирался.

– Где вы учились, Зафс? – проходя по лабиринту коридоров огромного университета, спросил Эйринам.

– То там, то здесь, – все так же неохотно ответил юноша.

– Ваш отец часто перелетает из университета в университет?

– Да.

Молодой человек категорически не хотел идти на контакт. Только цепкая хватка подруги удерживала его рядом с профессором.

«Что ж... – подумал ученый, – посмотрим, как ты устоишь перед соблазном...»

Посещая различные миры, профессор Эйринам никогда не останавливался в гостевых домах. Много десятилетий он путешествовал в своем небольшом корабле по просторам Вселенной и всегда добивался разрешения опускаться на поверхность пригласившей его планеты целым Домом. Его корабль давно превратился в своеобразный личный музей. Странствуя по мирам, ученый пополнял коллекцию артефактов, реликтов и прочих археологических диковинок. О летающем Доме Эйринама ходили легенды. Собрание старинных вещей имело такую ценность, что университеты просто не находили возможным оставлять летающую сокровищницу на орбите и всегда позволяли профессору опускаться на служебные стоянки.

Профессор не покидал своего Дома надолго. Дом всегда ждал возвращения ученого-космополита поблизости от места проведения лекции.

Серебристая полусфера корабля занимала добрую треть просторной посадочной площадки университета. Орбитальные челноки, стоявшие рядом с Домом, деревья и кустарники, окружавшие стоянку, казались кукольными декорациями на фоне огромной выпуклости, вздувшейся на краю площади.

– Прошу, молодые люди, – приветливо произнес Эйринам, и Дом выбросил из подбрюшья язык трапа.

Девушка взбежала по пологой лестнице первой. Мрачный, неразговорчивый Зафс какое-то время постоял над первой ступенью, но, заметив некую ироничность во взгляде профессора, решительно поставил ногу сразу на вторую ступень.

Эйринам неспешно поднимался следом. Впервые за многие, многие годы его Дом не пробудил интереса у молодого гостя. Равнодушие Зафса Варнаа казалось непробиваемым. Без

всякого любопытства он прошел в довольно тесную, забитую стеллажами и светящимися подставками гостиную и обернулся, поджидая хозяина.

Его подружка, полукрыв в восхищении пухлые губки, разглядывала витрину с выставкой древних украшений и драгоценностей. Эта витрина всегда завораживала женщин любого возраста. Не все ювелирные изделия были безусловно красивы, некоторые из них имели ценность только как исторические реликвии...

– О-о-о-о, – простонала девушка. – Зафс, ты только взгляни на эту диадему!

– Не трогай ничего руками, Левера, – скупобронил Зафс.

– Это невозможно! – не в силах оторвать взгляд от россыпи сверкающих камней, воскликнула девушка. – Профессор, можно я примерю этот браслет?!

– Конечно, – пожал плечами, отозвался Эйринам. – Все, что находится в этой витрине, не рассыплется в прах от ваших прикосновений.

Пальчики Леверы проворно заскользили, поглаживая украшения, девушка все никак не могла решиться и надеть на себя *реликвию*. У студентов исторического факультета вырабатывалось стойкое уважение к предметам старины, и в даже очень красивых украшениях девушка прежде всего видела экспонат.

– Нет, не могу, – вздохнув, отвернулась от витрины Левера. – Когда мечта исполняется сразу, к этому следует привыкнуть. – И улыбнулась хозяину: – Вы позволите мне небольшую экскурсию по вашему дому?

– Вы моя гостя, – сердечно произнес Эйринам. – И хочу дать вам совет, милая Левера, пройдите дальше. За этой дверью вы найдете коллекцию древнего холодного и стрелкового оружия. Пока я готовлю напитки, Зафс составит вам компанию.

Левера упорхнула в соседнее помещение, Зафс, так и не остановивший взгляда ни на одном предмете из богатой экспозиции, прошел за ней.

«И все-таки он странный, – разливая по сверкающим стеклянным бокалам ягодный сок, размышлял профессор. – Если бы не сцена, разыгравшаяся на лекции, я бы подумал, что молодой человек непроходимо глуп». Словно проверяя, все ли экспонаты Дома-музея находятся на своих местах, ученый оглядел гостиную и поразился – как эта выставка могла не заинтересовать начинающего историка?! Что здесь не так?!

Каждый предмет, каждая вещь переднего зала Дома была рассчитана на то, чтобы поражать! Тысячи студентов и молодых коллег замирали в оцепенении перед этими витринами и стеллажами. Сотни самоуверенных юнцов моментально теряли спесь перед выставкой любовно собранных реликвий.

Реакция на это собрание всегда – *была*.

Но Зафс...

«Нет, – подумал Эйринам. – Это не Дом виноват, а я. Я ошибся в молодом человеке».

Поставив на инкрустированный перламутром поднос три бокала, профессор прошел в оружейную комнату, а подставка с напитками поплыла за ним следом.

Перегруженная оружейными подставками комната тоже была тесной. Профессор редко расставался со своими экспонатами, на стенах практически не осталось свободного места от развешанных по ним пик, сабель, арбалетов; сверкающие жала мечей слепили глаза не хуже драгоценностей. Эта комната была гордостью ученого. Только богатейшие из музеев освоенной Вселенной могли соперничать если не с количеством, то с безукоризненным подбором экспонатов.

– Впечатляет? – все еще надеясь на чудо, спросил Эйринам.

– Вполне, – меланхолично отозвался гость.

– Вполне?! – возмутилась подруга. – Да я только на видовых экскурсиях видела подобное великолепие!

– Я не отрицаю достоинств экспозиции, – пожал плечами Зафс.

«Все, – подумал профессор, – пора заканчивать. Тратить время на этого... болвана! – мне жаль».

Почти не слушая восторженных восклицаний Леверы, профессор медленно попивал прохладный сок. Еще никогда тщеславие знаменитого ученого-коллекционера не было так уязвлено. Зафс не задал ни единого вопроса, не проявил интереса ни к одному экспонату, он остался холоден и сдержан перед самым блестящим музейным собранием оружия.

И словно бы заражаясь от гостя равнодушием, профессор сам стал безучастным, холодным зрителем. Вопросы Леверы не будили в нем желания поведать занимательную историю древнего арбалета или рассказать о предназначении искривленного ножа для жертвоприношений. Ему не хотелось, как обычно, заострить внимание гостей на выставке ядов для наконечников мечей и копий. Впервые в жизни профессору показались скучными и зал, и Дом, и гости, и он сам.

«Все это тщета, – устало подумал ученый. – Все это скопище рухляди, пыли и пустого блеска...»

Нет! Нет, нет и нет!! Это гость так действует на Дом!

– Мне надо заняться работой, – внезапно, перебив Леверу, сказал Эйринам.

– Ой, профессор, – сконфузилась девушка. – Простите. Мне так тяжело оторваться от этих сокровищ! Зафс, ну скажи хоть что-нибудь!

– Мы благодарны вам, профессор, за доставленное удовольствие, – с холодящим душу ученого равнодушием произнес Варнаа. – Пошли, Левера.

Постоянно оглядываясь, цепляясь взглядом за каждый предмет экспозиции, Левера двинулась к выходу. Зафс шагал следом и безучастно скользил глазами по стенам.

«Болван! Какой болван!» – идя за гостем, негодовал профессор. Зафс раздражал его все больше и больше.

Вдруг, налетев на спину гостя, как на каменную стену, Эйринам остановился.

– Какая вещь. – Слова, произнесенные Зафсом, приковали ноги профессора к полу. – Земное зеркало. – В тоне юноши не прозвучало вопроса. Молодой человек, без всякого сомнения, точно определил один из самых драгоценных и диковинных предметов экспозиции. – И рама... из красного дерева...

– Что вы сказали? – недоверчиво, пожалуй, даже шепотом проговорил профессор.

– Я говорю, земное зеркало, – невозмутимо повторил юноша. – Чудная вещь. Ему ведь несколько тысячелетий?

Левера, уже дошедшая до трапа и не дождавшаяся приятеля, вернулась в зал и встала за плечом юноши.

– Что это, Зафс?

– Просто – зеркало, – ответил тот.

– Оно... Оно совсем простое?

– Да. Отображает лишь действительность.

– Не меняет одежду...

– Не меняет, не разговаривает и не лезет с советами, – впервые усмехнулся странный гость. – Оно – отображает. В этом его первоизданная суть.

– Какая скука, – фыркнула Левера. – А если я хочу проверить, как мне подходит новое платье или помада? Оно мне подскажет?

– Нет. Придется экспериментировать самой, – все с той же усмешкой проговорил юноша.

– Какая скука! – повторилась Левера. – Весь день можно потратить на подборку одежды! А почему оно такое мутное... в каких-то трещинах...

– Трещин нет на поверхности, – спокойно объяснил Зафс. – Это всего лишь дефекты амальгамы. Естественные, от древности.

– Амаль... что?

– Амальгама. Сплав ртути в данном случае с серебром. Он наносится на обратную сторону стекла...

Совершенно не вмешиваясь в диалог молодежи, профессор слушал, как Зафс Варнаа детально и со знанием дела описывает древнейший процесс создания зеркал, отвечает на вопросы подруги, и с удивлением понимал – невероятный юноша осведомлен о давно забытом производстве гораздо больше достославного профессора Эйринама. Академика, члена всевозможных исторических обществ, лауреата, кавалера и прочая, прочая, прочая...

Но как?! Откуда?! Почему?!

Совершенно не заботясь о производимом на профессора впечатлении – девушка внимала почти без интереса, – Зафс обернулся к застывшему ученому и произнес:

– Еще раз спасибо за доставленное удовольствие, профессор Эйринам. Прощайте.

И, взяв Леверу под локоть, пошел к трапу.

А Эйринам еще долго стоял напротив зеркала, отразившего действительность – обескураженное лицо старого профессора. Только один человек, побывавший в его Доме, смог опознать в мутном стекле ценнейший реликт – настоящее земное зеркало в раме из практически утерянного красного дерева.

Но то был ученый, историк, один из известнейших специалистов по древней истории Земли. А это довольно узкая специализация, сам Эйринам не мог похвастаться глубокими знаниями в этой области.

Зафс изучает доисторические справочники галактики Млечный Путь и конкретно – Землю?

Но три галагаса назад он уверенно произвел реконструкцию Туранской битвы! А это совершенно другая область! Другое время! Другая цивилизация!

Или... его обучение узко направлено на... несколько отраслей?

Нет. Временной и пространственный разрыв неоправданно велик.

Кто он – Зафс Варнаа?

А Зафс Варнаа сидел рядом с Леверой на пассажирском сиденье флаера и безучастно следил, как девушка лихо обгоняет медлительный общественный транспорт, грузовые платформы и прочие неторопливо летящие машины. Левера наслаждалась скоростью, хорошей погодой и вновь переживала каждую минуту недавнего триумфа. Профессор Эйринам пригласил ее в Дом! Разговоров об этом посещении хватит на несколько дней...

«Как все глупо, однако». – Зафса терзало чувство досады. И вины.

Он не смог, а точнее, не захотел побороть всплеск. Он позволил себе поддаться искушению, он – выделился.

И дело было не в том, что в последний момент «экскурсии» он пожалел добряка профессора и похвалил первый же, случайно выбранный экспонат. Дело было в самом факте отступления от правил: не обращать на себя внимания, не бросаться в глаза, не выделяться, быть *обычным*.

Несколько сотен зрителей стали свидетелями его беспечности. Как цирковой жонглер, он выпрыгнул на освещенную арену, и крики «браво!» совсем сроднили его с клоунадой.

«Идиот, фигляр, мальчишка! – кусая в досаде губы, ругал себя Зафс. – Нельзя было идти на эту лекцию! Ты уже чувствовал всплеск! Знал, что он тебя захватит!»

Зафс покосился на улыбающуюся Леверу. Точеный носик, розовые ушки, тонкая шея в пене белых, шелковых волос и глаза – два голубых сапфира в оправе из почерневшего серебра...

Зафс мечтал прикоснуться губами к этой нежной шее уже долгие месяцы. Соседка каждый день мелькала под окнами его комнаты – то в прозрачном домашнем одеянии, то в строгом костюме прилежной ученицы, то... ее силуэт появлялся в его снах...

«Болван! Влюбленный недоросль!»

Отец его предупреждал. Он говорил не раз, что чувства проявятся там, где логика заснула. Эмоции становятся властителями самых крепких умов, когда узда разума ослабевает...

«Ты будешь наказан. И поделом», – подвел итог «влюбленный недоросль». На несколько дней его оглушат увеличенной дозой разима и вышибут из памяти все лишнее, тревожное, наносное. Интеллект Зафса уснет на несколько дней и очнется уже очистившимся от памяти.

Память была главным наказанием Зафса Варнаа. Словно мутный, состоявший из множества течений поток, она то и дело переполняла некий резервуар – и выплескивалась.

Сегодняшний всплеск произошел при максимально возможном числе зрителей. Завтра о сыне доктора Варнаа будет говорить весь университет, Зафсу припомнят все его несуразности, кто-то обязательно расскажет, как странный молодой человек до изнеможения истязает себя на спортивной площадке, в тренажерном технозале и *никогда* не посещает библиотек, информаториев и лекций...

Так уже было. Семье доктора Варнаа снова придется уезжать. Теперь с планеты Мирхан.

Сколько их было, этих перелетов! Семья меняла планеты чаще, чем домашние тапочки. Как только в очередном университетском городке начинали муссировать слухи о необычных способностях Зафса Варнаа, доктор прерывал контракт с учебным заведением и перелетал на новое место работы.

Из года в год, все чаще и чаще. И скоро эта закономерность станет очевидной.

Печально. Но в этом не было вины Зафса. Доктор Варнаа не мог упрекнуть сына в том, что юноша беспечен и неосмотрителен. Зафс старался. Подавляя память, он изводил себя физическими нагрузками: до ломоты в костях поднимал тяжелые снаряды, вечерние и утренние пробежки сделали его лучшим стайером многих университетов, в единоборствах и схватках на ринге он почти всегда побеждал. Его фантастическая реакция опережала действия соперников, и только природная сила некоторых из них могла конкурировать со стремительностью выпадов Зафса. На необходимую долю секунды сын доктора Варнаа предварял действия противника и наносил удар.

Из-за быстроты реакции ему были запрещены отцом техноигры. С одним из последних университетов семье пришлось расстаться после того, как техник-ремонтник виртуального игрового зала пришел к доктору с просьбой отлучить сына от занятий на макетах боевого транспорта. Рассчитанные на обычных студентов тренажеры не справлялись с быстротой команд Зафса и регулярно выходили из строя.

– Переведите сына на спецкурс, доктор, – смущаясь, говорил ремонтник. – Там другие скорости, другая, более профессиональная техника. Она рассчитана на опережение команд пилота... А мои «игрушки» – не справляются.

Перед самым отъездом с той планеты Зафс уговорил отца, и тот добился разрешения у заведующего кафедрой Боевого Флота разрешения на одноразовое ночное посещение тренажерного зала для пилотов сверхманевренных истребителей. Доктору выдали электронную карту доступа, объяснили, как перевести макет на шадящий тренировочный режим, и выделили два ночных часа. Когда в зале не было курсантов, преподавателей и технического персонала.

Сев за макет новейшего истребителя, Зафс испытал волнение, сравнимое с... первым поцелуем, первым вздохом новорожденного, ослепительной вспышкой сверхновой! Это было незабываемое, ослепляющее чувство. Чувство единения умной машины и стремительного человека надолго выключило Зафса из действительности.

Иллюзия полета и битвы была полной.

Головокружительные броски машины, трассирующий след мощнейшего огневого натиска противника...

Сначала Зафса преследовал один «вражеский» истребитель, потом тренажер автоматически перешел из щадящего в полный боевой режим, и пилота окружили два, три, четыре истребителя...

– Достаточно. – Мрачный голос отца ворвался в наушники, и экраны макета погасли. Ослепший, выдернутый из боя Зафс застыл в кресле. – Больше никогда не повторять этих экспериментов, сынок.

На единственном освещенном табло тренажера стоял высший балл оценки мастерства пилота. Машина словно аплодировала своему ученику.

Зафсу Варнаа было четырнадцать лет.

После этого случая он впервые задумался – а так ли уж правдивы с ним родители?

Переезжая из одного университета в другой, доктор никогда не упрекал сына в неосмотрительности. Мама привычно и легко собирала их нехитрые пожитки и весело шутила, рассказывая, какой прекрасный город ждет их где-то на другом конце галактики. Как будет хорошо встретить новых друзей, посетить иные миры, набраться свежих впечатлений. «Мы непоседы и странники», – говорила мама, и маленький Зафс ей верил. Почти. Все больше и больше год от года он находил несоответствий в ее словах. Как бы и чем ни объясняли родители неординарные способности ребенка, нестыковки начинали преобладать над логикой. Сколько Зафс себя помнил, а помнил он себя с младенчества, ему внушали – ты жертва научного эксперимента своего родителя. Доктор Варнаа работал со своим новорожденным сыном, загружал в его мозг всевозможную информацию и развивал мышление ребенка. В годовалом возрасте (!), еще не научившись уверенно держаться на ногах, Зафс абсолютно подчинил себе речевые центры и начал – говорить. Не просто, а осмысленно Зафс делал комментарии к последним политическим событиям, делал прогнозы; обсуждал на равных с отцом последние новинки передовых технологий.

И перепуганный отец впервые оглушил ребенка транквилизаторами. Раз за разом он стирал память сына, но она всегда прорывалась.

Это была первая нестыковка.

Ученый, добившийся столь поразительных результатов, испугался успеха? Он не предъявил научному сообществу чудо-ребенка, а предпочел, по его словам, уничтожить всю документацию по произведенной работе?

Не раз и не два Зафс умолял отца открыть ему секрет развития неограниченных способностей, убеждал, что его дарования и таланты – следующая ступень эволюции человека. Но все впустую. Отец упорно не желал делиться знаниями.

«Или их не было? Этих знаний», – размышлял Зафс.

Но тогда откуда память?

Если брать слова отца на веру, в первые три месяца жизни сына он загрузил в мозг ребенка более чем десяток полных курсов университетского образования: историю, обществоведение, лингвистику, философию, биологию, механику, несколько военных дисциплин, астронавигацию и выборочный курс лекций по прочим тематикам. Неокрепший, едва осваивающий первые шаги младенец мог бы соперничать в науках с лучшими умами изученных галактик.

Мозг Зафса стал совершенным. Как остро отточенное орудие, он вскрывал любые тайны и презирал запреты. В трехлетнем возрасте малыш набрал на пульте общественного коммуникатора трансгалактического лайнера секретный код полицейской операции и вызвал такой переполох, что семью Варнаа едва не сняли с рейса и не подвергли аресту. Только многочисленные свидетельства попутчиков – пассажирам показалось, что малыш просто «балуется» с кнопками, – смогли подтвердить непричастность взрослых к шалостям ребенка.

– Восьмизначный набор цифр и выверенные интервалы! – рычал начальник службы безопасности лайнера. – И вы уверяете, что это – случайность?! С точностью в микросекунду интервалов?!

Отец что-то лепетал в свое оправдание. В тот день состояние Зафса можно было определить как «пограничное». Между ребенком и проснувшимся интеллектом зрелого ученого. Точнее сказать так – интеллект проснулся и пошутил, так как оставался еще слишком ребенком.

И это состояние было самым опасным для Зафса. Всю свою девятнадцатилетнюю жизнь он мог разделить на фазы: дремлющий мозг и мозг активный, Зафс – обычный человек и Зафс – сверхразум.

– Зачем ты сделал из меня подопытное существо?! – очнувшись от очередной «спячки», бушевал он, будучи подростком. – Открой мои способности обществу! Я устал скрываться, устал смотреть на сверстников и прятать взгляд! – И бросал с упреком: – Ты лишил меня детства, так не лишай хотя бы будущего.

Отец не отвечал. Он запирался в своей лаборатории и составлял новую схему приема повышенной дозы медикаментов, подавляющих мозговую деятельность. Протягивал тубу с изготовленным препаратом сыну и говорил:

– Прости меня, но это необходимо. Когда-нибудь ты все поймешь и скажешь мне спасибо.

Зафс не хотел понимать, он действительно устал скрывать свои способности и чувствовать себя изгоем. Он не ходил в школу, как нормальные дети, в разговорах со сверстниками ему приходилось контролировать каждое слово...

Впрочем, так бывало не всегда. В момент «мозговой спячки» Зафс почти не отличался от обычных детей, а в момент «пробуждения» они становились ему неинтересны.

Но как хотелось иногда стать обычным! Не прятать усмешку от первозданной, восхитительной глупости собеседника, не притворяться заинтересованным, а быть им! Стоять со всеми наравне и – слушать. Обсуждая нелепые теории и легкомысленные задачки, вспоминать пройденный в школе материал и бояться плохих результатов тестирования. Быть непутевым, бесшабашным, бездумным...

«Многие знания – многие печали», – всплывал в голове Зафса древний афоризм из философского курса. Что может быть печальнее ребенка, не сломавшего ни одной игрушки – просто так. Чтоб посмотреть, что у нее внутри и почему у маленького флаера горит зеленый огонек и двигаются шасси и трап.

В этих целях Зафс мог бы собрать и разобрать любой прибор на медицинской кафедре отца. Когда в доме ломалось что-то из бытовой техники, он так и поступал. Без всякого интереса чинил до жути примитивный пылесборник, химический утилизатор или кухонный аппарат. Иногда, чтобы доставить себе удовольствие, добавлял роботам какие-то новые функции. Пылесборник начинал поливать и удобрять комнатные растения, сортировать все крошки и кормить ими окрестных птиц. Кухонный агрегат приобретал полезные навыки чтеца-декламатора.

После отъезда с очередной планеты доктор Варнаа безжалостно уничтожал все новинки. Не оставлять следов – читалось на лице отца. Не выделяться даже в малом.

А маленький Зафс мечтал, чтобы однажды на галактическом лайнере произошла поломка. Все бегают, ругаются, гудит набат: «Занять спасательные шлюпки!», а он, малыш-механик, отважно идет в технический отсек, находит неполадку и спасает лайнер.

В момент ремиссий на Зафса накатывали видения – вот он за штурвалом боевого крейсера ведет войска на приступ, парит над тысячной толпой покорных слушателей. Все внемлют его слову и ждут откровения. Зафс создает и правит, руководит и наставляет...

Бежит. Орда преследователей настигает, обрушивается на него, ломая кости, и... дикая боль смерти! Зафс умирал не раз. Он помнил, как холодеют руки, как сердце, превратившись в вялый, осязаемый ком, вдруг замирает в опадающей груди...

Он видел множество смертей. Страшных и внезапных, умиротворяющих и долгожданных...

И это не могло быть курсом лекций! Такие мгновения надо пережить!

Но кому? Чья память вольно расселилась в нем?

И почему ОН, тот, чья память так многовесно тяжела, скончался много раз? Он – бес- смертен или многолик?

После очередного кошмара Зафс приходил к отцу с вопросом:

– Кого ты поселил во мне? Чью муку я испытываю? И как ее прервать?

– Не знаю, – отвечал отец, и отчего-то Зафс ему верил.

Неудача ученого так явственно проступала на лице отца, что постепенно сын решил избавиться от страшных сопереживаний. Научился купировать эту боль в одиночестве, уходил из дому и без устали изводил себя физическими нагрузками. До ломоты в суставах поднимал снаряды, растягивал эспандеры, бежал, бежал до темноты в глазах.

А приходя обратно, безропотно принимал от отца увеличенную дозу «тормозителей».

Так длилось много лет. Соседи удивлялись трудолюбию ребенка, разрыв в возрасте спаррингов по единоборствам все увеличивался, дети перестали приглашать странного мальчика на свои праздники, Зафс Варнаа стал чужим.

Точнее, он и был. Но теперь смиренным.

Только один раз Зафс позволил себе бунт. Но и одного раза хватило понять – отец был прав. Такое надо прятать.

Восемь лет назад двенадцатилетний Зафс не принял вовремя медикаменты. Отец поменял состав препаратов, увеличил их дозу, и у мальчика начались приступы головной боли.

– Пошло все к черту! – бушевал мальчишка, пряча в тумбу полные инъекторы. – Не хочу! Не буду! Не стану! Пусть сам их принимает!

Этот маленький демарш подросток скрыл и почти сутки чувствовал себя нормально. Мигрень исчезла, в теле появилась удивительная легкость. Слух обострился до невероятности, мысли носились с такой поразительной скоростью и остротой, что резали действительность на составляющие и выдавали яркие, феноменальные факты, сокрытые прежде сентенциями, как клеветой. Мир, окружавший Зафса Варнаа, казался глупейшей инсценировкой. Все, что не имело логики, рассыпалось от малейшего прикосновения его разума. Зафс Варнаа видел все огрехи, ошибки и лукавства. Почти смеялся над глупостью людей, учивших жить его по меркам, понятиям и правилам.

Могущество разума и логики было столь очевидным, что, пожалуй, у Зафса не нашлось бы сейчас собеседника. Он – всесилен! Как абсолютный разум.

«Полтора десятка университетских курсов?! Чепуха! Отец впихнул в меня Вселенную!»

Подобное открытие веселило двенадцатилетнего подростка. Убирая сад от опавшей листвы, он грезил о Великом...

Вот только обострившийся слух мешал сосредоточиться на главном. В соседнем доме ругаются брат и сестра. Она обозвала его неудачником, тот не остался в долгу и осыпал сестрицу затейливой бранью.

Но в какой-то момент сосед-юнец поменял направленное обращение диалогов. «Она такая тупица!» – заговорил он в третьем лице. «Он такой противный тип!» – вторила ему сестра.

Зафс поднял голову, взглянул на соседний дом и обомлел: девушка сбегала по крыльцу, брат стоял на веранде с противоположной стороны дома.

Они не видели друг друга. Они не могли разговаривать. Зафс подслушал их мысли.

Ручка механического уборщика выскользнула из пальцев Зафса и упала в траву. Он – ментал. Телепат. Преступник, вмешивающийся в личную жизнь, подслушивающий чужие мысли.

Забыв о ползающем по клумбе уборщике, Зафс бросился к дому. Еще только подбегая к двери, он «услышал» мысли матери: «Кажется, эту тарелку придется выбросить... Но в утилизатор или адаптер, чтобы изготовить новую? Нет, все-таки в утилизатор, желтый цвет мне никогда не нравился, а возиться с колористом...»

– Мама! – с криком ворвался на кухню Зафс. – Я слышу чужие мысли! Что со мной?!

Мать резко обернулась на крик, побледнела, но, к удивлению сына, совсем не испугалась.

– Ты принимал лекарства? – спросила быстро.

– Нет. – Взгляд Зафса заметался.

– Иди к себе и немедленно сделай инъекцию.

Убегая по лестнице на второй этаж, Зафс получил вдогонку: «Ну, вот и все. Как нам удастся это остановить? И удастся ли вообще...»

Мысли матери, стремительные и пугливые, сновали и творили ткань узорчатых эмоций. Разнообразные, причудливо окрашенные, они неслись вслед за убегающим телепатом и, наступая, поражали – несоответствием. Чего-то главного, ожидаемого, не было в мыслях Риммы Варнаа.

Чего в них не было?!

Любви.

В них не было любви, как-то обреченно подумал Зафс. Была привязанность и даже нежность, но, проникая в мысли матери, сын не нашел там того, что должно быть: эмоции, родственной страху кошки за маленького котенка, трепету птицы, накрывающей крылом гнездо с большим птенцом. Материнская любовь подобна звериному инстинкту, и в момент опасности она должна довлеть над остальными чувствами. Бессознательно, всевластно.

Сверхразвитый мозг Зафса в долю секунды определил недостающее звено. В мыслях мамы было все: тревога, нежная обеспокоенность, утешительное – все обойдется, мы ему поможем... Там было все.

Кроме желания закрыть крылом, встать грудью перед неизвестным. Все эти «мы поможем» отдавали рациональностью и трезвым размышлением над ситуацией. Как послевкусием.

Мать испугалась факта, а не болезни ребенка. И пожалуй, она была готова...

Зафс вколол себе дозу «тормозителей» и закрыл глаза. Но прежде чем сознание окончательно отвергло телепатию, «поймал» уже совсем ускользающую мысль мамы: «Он может все узнать...»

– Папа, что вы от меня скрываете?

Когда Зафс спустился из своей комнаты на первый этаж дома, отец уже вернулся из лаборатории. Оставив все дела, доктор Варнаа примчался на зов Риммы. Его обеспокоенный взгляд перескакивал с жены на сына, губы беззвучно шевелились, казалось, отец подбирал слова для ответа.

– Ты слышал мысли мамы, сынок? – осторожно спросил доктор, и Зафс отрицательно помотал головой. – А что ты успел услышать?

– Ничего особенного, – хмуро проговорил сын.

– Но чем тогда вызван твой вопрос?

– Я понял, что вы от меня что-то скрываете.

– Ах, это... Сядь, мой мальчик. Нам надо поговорить.

– Надо, – немного заторможенно согласился Зафс. – И надо сменить транквилизаторы. Они мне не подходят.

– Не помогают? – забеспокоился отец.

– Нет, – усмехнулся взрослый «ребенок», – как раз наоборот. Одурманивают до головной боли.

– Подберем, – покорно согласился доктор. – Сегодня же вернусь в лабораторию и составлю новый препарат.

Почти не мучаясь с подбором выражений, отец повел беседу так, словно давно проговорил, продумал каждую интонацию, каждую запятую. Как и мама Римма, он был готов к объяснениям. Вот только хмурость Зафса немного сбивала его с толку.

– Сынок, я и мама принадлежим к расам латентных телепатов. Наши ментальные способности дремлют, но мы оба прекрасно отдавали себе отчет, – так уж случилось в наших семьях, – ребенок, рожденный у латентных телепатов, может иметь активные ментальные способности. Увы, Зафс, тебе не повезло, именно тебя природа наградила даром, а точнее, проклятием телепатии...

«Ментал, – без всякого страха и отвращения к самому понятию думал Зафс. – Чего-то подобного можно было ожидать. Все эти «всплески», острота и быстрота восприятия, интуиция... Секретный код полицейской операции, который я, скорее всего, «подслушал» у одного из пассажиров... Странно, что этот влиятельный господин не приказал сразу изолировать «шаловливого» ребенка... Он-то должен был догадаться...»

Присутствие на борту космического корабля активного телепата приравнивалось к форс-мажорной ситуации – лайнер могли снять с рейса, доставить под конвоем на военную базу и подвергнуть каждого пассажира принудительному осмотру. В случае неподчинения любой корабль (особенно боевой) или отдельная личность подлежали немедленному уничтожению. Прецеденты бывали, и не раз. Самую большую опасность менталы представляли именно в космосе. Один активный телепат в состоянии подчинить себе рубку управления боевого корабля, и тогда... Крейсер оборачивал орудия против своих же.

Триста лет назад расы менталов начали претендовать на господствующее положение в галактиках. Посчитав себя следующей, более совершенной ступенью развития, телепаты попробовали подчинить себе нементальные народы вселенной и развязали войну. (Во всяком случае, таковой была официальная версия – человечество вынудили дать отпор агрессивному сообществу «мозгололов».) Беспощадная война длилась почти тридцать лет. Менталов отлавливали и уничтожали по всем галактикам. Каждый космопорт, корабль, административное здание оснастили чувствительными ловушками на менталов, любой человек, реагирующий на «призыв» ловушек, в лучшем случае моментально арестовывался. В худшем – уничтожался на месте. Истерия, потоком изливающаяся из информативных источников, довела людей до безумия. Полицейский, услышавший вой ловушек, не успевал даже подумать, а его рука уже тянулась к бластеру...

Редкий ментал доживал до ареста. Полицейские предпочитали не дожидаться телепатической атаки – приказа повернуть оружие против себя или товарищей – и действовали на опережение...

Страшное было время. Кровавое. Доносительство на друзей, соседей и родственников возводилось в ранг добродетельной бдительности, менталов гнали как законную добычу по всем уголкам галактик.

Но человечество выиграло битву. Менталов загнали в резервации и заставили подчиниться.

Неподчинение грозило только одним – немедленным уничтожением.

– Как я проходил мимо ловушек в портах и администрациях? – опустив голову, спросил Зафс.

– Во время перелетов я увеличивал тебе дозу транквилизаторов, сынок, – невольно ежась, ответил отец.

– Значит, ты знал, что мои способности почти «разбужены»?

– Знал. И в том моя вина. Я растревожил твой мозг экспериментами, затронул какие-то нервные центры и, видимо, активировал их. Прости.

– И что теперь? – Зафс вскинул голову. – Вы обязаны донести, что в вашем доме появился активный ментал.

– Ни за что! – воскликнула мама. – Как ты мог подумать о нас так гадко!

– Не донося, вы становитесь преступниками. Укрывателями, – напомнил Зафс.

– Мы сами прежде всего латентные телепаты, – твердо проговорила мама. – Мы живем в вечном страхе – вот сейчас, завтра или через год наши способности очнутся, и мы превратимся... – Римма не смогла закончить и прерывисто, со всхлипом вздохнула. – Таким парам, как мы, запрещено иметь детей. Примерно один раз в столетие в наших семьях рождаются активные телепаты, брак между двумя латентными менталами увеличивает эту опасность многократно, и в результате...

– В результате появился я, – подытожил Зафс. – Где сейчас мои «активные» родственники?

– Двое погибли, – мрачно ответил отец. – Они оказали сопротивление при аресте и погибли.

– Мой брат не сопротивлялся! – горько выкрикнула мама. – Они убили его просто так! Предохраняясь!

– Не надо, Римма. – Доктор погладил жену по плечу. – Сейчас нам надо быть сильными и думать о Зафсе.

– Что со мной будет? – Картина убийства человека, виновного только в неординарности, больно отозвалась в мальчике.

Родители услышали эту боль, переглянулись, и отец, пряча глаза, ответил:

– Выбор за тобой, сынок. Еще какое-то время я могу медикаментозно подавлять, блокировать твои способности, а потом...

– Как долго? – перебил отца Зафс.

Доктор Варнаа прямо и честно взглянул в глаза сыну и ответил:

– Не знаю. Я не могу тебя заставлять, я имею право только просить, так как ты – исключение. Взрослый человек в теле ребенка.

– Не надо отступлений, папа, – проговорил сын. – Что ты собираешься делать дальше? И почему, когда я проник в мысли соседей, над городом не взвыли ловушки? Насколько я знаю, городские ловушки реагируют как раз на прямое ментальное воздействие.

– Да, они не провоцируют мозг телепата на ответ, как мощные ловушки административных зданий, а регистрируют только прямые ментальные всплески...

Отец отчего-то мялся, никак не мог или не хотел объяснить данный казус, и мама пришла ему на выручку:

– Вероятно, Зафс не отправлял на дом соседей мыслепоиск. Он послужил только как отражатель, да?

И это заискивающее «да» показалось Зафсу уверткой. «Они чего-то недоговаривают, – догадался мальчик. – Ловушка в любом случае должна была отреагировать. Но почему-то пропустила мой «всплеск». Не зацепилась... Но почему?...»

Родители вели себя странно, и в этом не было сомнений.

– Как нам следует поступить дальше? – Не добившись внятных разъяснений, Зафс пожалел отца и маму.

– Ты должен дождаться двадцатилетия, – безапелляционно сказал доктор Варнаа. – Я приторможу твоё ментальное развитие медикаментозно, потом ты, как гражданин, сможешь доказать свою неагрессивность и потребовать переправить тебя в резервацию.

– Восемь лет. Мне терпеть еще почти восемь лет, – задумчиво проговорил мальчик.

Провести годы в тупой серости, отказаться от сверкающего потока мыслей... Какая пытка!

– Резервация лучше жизни в страхе смерти, – едва слышно проговорила мама.

– Тогда сейчас, – выпрямившись, произнес Зафс. – Я устал от транквилизаторов, устал прятать другие способности, пусть меня изолируют сегодня, сейчас или завтра. Я не буду принимать медикаменты. Интеллектуально я взрослый человек с годовалого возраста, и я готов доказать это любой комиссии. Или ты сомневаешься во мне, папа?

– Нет, – покачал головой доктор. – Интеллектуально ты на две головы выше любого профессора из этого университета. Но... – отец встал и заходил по комнате, – у нас с мамой тоже есть некоторые обязательства, мы должны заботиться...

– Не должны, – перебил Зафс. – Вы ничего мне не должны. Не ваша вина, что я родился таким. Даже если твои эксперименты как-то повлияли на мое развитие, я все равно говорю тебе спасибо, папа. Сегодня я впервые жил без воздействия транквилизаторов и впервые в полной мере ощутил, какое чудо – мысли. Не заставляй меня отказываться от этого великолепия.

– На восемь лет, – глядя на сына снизу вверх, проговорил отец. – Ты должен вырасти.

– Вырасти?! – вскипел Зафс. – Как? Вверх на сорок сантиметров и вширь на сорок килограммов?!

– Прошу тебя, сынок, – устало бросил доктор.

– Почему?! Зачем?!

– Мы с мамой хотим иметь еще детей. Если на любой из планет со щадящим режимом регистрации менталов ты придешь на пункт «Общения и помощи» в двадцатилетнем возрасте, тебя, как законопослушного гражданина, не подвергнут принудительному генетическому сканированию. На тех планетах добровольно сдавшийся телепат имеет право на анонимность, дабы не навредить добропорядочным родственникам. Таков закон. Законопослушных граждан не преследуют.

– Вы хотите еще раз... – Онемевшие губы едва шевелились на застывшем лице двенадцатилетнего мальчика. – Еще раз...

– Да, – пусть жестко, но честно ответил отец. – И в этом случае я не буду проводить экспериментов над своим ребенком.

– Мама, – жалобно, совсем по-детски прошептал Зафс. Силуэт матери расплывался, плавился в его слезах, и сын не видел, что мама тоже плачет.

– Прости, сынок, – всхлипнула она.

Зафс уткнул лицо в ладони, его плечи сотрясали рыдания, а слезы, просачиваясь сквозь пальцы, падали на короткие, совершенно детские штанишки. Эмоционально, душевно он был всего лишь ребенком. Ребенком с интеллектом взрослого мужчины.

– Вы не понимаете, от чего заставляете меня отказываться! – давясь слезами, взвыл взрослый мальчик.

– Что? – не расслышал отец, а мама, пересев из кресла на диван рядом с сыном, обняла его за плечи:

– Что ты говоришь, сыночек?

– Ничего, – оторвав ладони от лица, твердо произнес Зафс. – Все в порядке. Через восемь лет вы переправите меня на планету, где действуют законы анонимности, и я добровольно сдамся властям.

Лишь в нескольких мирах изученной части Вселенной сохранилось щадящее отношение к телепатам. Эти планеты заселяли расы, наиболее близкие к ментальному типу, и перекрестные браки нередко позволяли родиться – уродам. Врагам человечества, угрозе цивилизации.

– А ты, папа, подбери мне новую формулу транквилизаторов, – четко, глядя в стену, диктовал подросток. – Эта формула приводит к мигреням.

– Хорошо, – покорно, с душевной болью проговорил отец. – Я сделаю все, как ты захочешь...

* * *

Много позже Зафс понял, каким гениальным ученым-практиком был доктор Варнаа. Тонкий психологический расчет позволил доктору совладать с разумом легиса. Подчинить, оставить под контролем такую силу, пожалуй, было бы невозможно, не сделай ученый ставку на благородство. Ребенок-легис, воспитанный людьми, не мог не впитать, не проникнуться чисто человеческими понятиями любви и жертвенности до самоотречения.

Отец не заставлял, он просил.

А мама тихо плакала.

Зафс позволил увеличить дозу медикаментов. Безропотно и вовремя доставал пластиковую тубу и делал инъекцию. Сначала каждый день, потом утром и вечером, потом «всплески» участились и обострились – до двадцатилетия Зафсу оставалось дожить чуть меньше года.

Медикаменты отказывались помогать, разум легиса рвался на волю.

...Флаер летел над тихим лесным озером. Левера, возбужденная недавним триумфом «жонглера» Зафса и общением со знаменитостью, сделала крюк и ушла с оживленной трассы.

– Платиновая ажурная диадема, пожалуй, относится к эпохе расцвета Пирейского царства, – щебетала девушка. – Ты согласен, Зафс? – Попутчик не ответил, и соседка решила подразнить его: – А к какой эпохе относится твой браслет, Зафс Варнаа?

Юноша рассеянно дотронулся до запястья и покрутил на нем тусклую наборную змейку браслета.

– Кажется, он изготовлен из цельного витахрома?

– Да. – Молчание уже становилось невежливым, и Зафс заставил себя ответить.

Сегодняшний «всплеск» ударил не только обостренной памятью, толщу из брони транквилизаторов пробили также и телепатические эманации.

«А ведь я это предчувствовал! – упрекал себя юноша. – Уже входя в аудиторию, я улавливал негативный настрой толпы. Несколько широкоплечих молодцов просто с ума сходили от ревности. – Зафс покосился на Леверу. – Какой прекрасный все же повод! – И тяжело вздохнул. – Но это все же никак не оправдывает мой «цирковой номер». «Всплеск» можно было подавить. А я – влюбленный идиот! – решил блеснуть».

Под прозрачным полом флаера проплывала окультуренно-буйная зелень парковой зоны. Прогуливающиеся люди бродили по берегу причудливо изогнутого нерукотворного озера, с невысокой скалы, один за другим, падали стройные фигурки ныряльчиков. Какой-то седовласый старец держал за руку худенькую девочку и оттаскивал ее от края скалы.

Дедушка и внучка, чудная пара. Зафс вспомнил элегантного профессора Эйринама и усмехнулся.

Войдя в Дом-музей, он мог бы с точностью определить место и время рождения, пожалуй, каждого экспоната. Сегодняшний «всплеск» был самым сильным за последние месяцы. Так что больших усилий стоило Зафсу не вовлекать ученого-историка в интересную беседу, не заострять внимание на предметах экспозиции, а тупо следовать в кильватере Леверы.

Но «всплеск» также обострил и ментальное восприятие. Если память можно было обуздать молчанием, то ощущение сначала растерянности, а потом негодования профессора просто терзали юношу. Чужие эмоции не получалось «выключить», чужое восприятие тебя било болезненнее пощечин. И Зафса мучило не сколько негодование Эйринама, сколько просчитанный ход эмоционального развития ситуации. Зафс и Левера уйдут из Дома ученого и оста-

вят добряка профессора в таком подавленном состоянии, что даже гневная реакция – болван, мальчишка! – не спасет того от депрессии. Когда Зафс уйдет, профессор почувствует свой Дом оскверненным и надолго погрузится в печальное изучение «непринятых» сокровищ.

Человек страдал. И это было невыносимо для Зафса. У самого выхода он зацепился взглядом за зеркало...

«Пожалел, – вздохнул юноша. – Но это не страшно. Эйринам надолго застрянет мыслями на производстве зеркал и, пожалуй, перестанет на себя сердиться. На себя, на свой ДОМ, на болвана Зафса Варнаа...»

– У моего брата тоже был браслет из витахрома, он помогал ему при головных болях, – говорила тем временем Левра. – Но всегда носить «живое железо» братишка не мог, аллергия развивалась. А у тебя? Нет аллергии?

Зафс помотал головой.

Браслет. Еще одна загадка, еще одно знамение его жизни. Зафсу казалось, что этот браслет был на нем всегда, с первой минуты рождения, ни разу, ни на секунду он не терял с ним связи. Когда рука Зафса становилась шире, отец, не снимая украшения с запястья, наращивал его на одно звено. Эти новые звенья, блестящие и не очень, были временной шкалой жизни Зафса Варнаа.

– Никогда, ни при каких обстоятельствах не снимай его с руки, – постоянно напоминали родители. – Ни на миг, ни на долю мига. Твое тело должно иметь постоянный контакт с «живым железом».

– Почему? – сотни раз спрашивал Зафс.

Отец не давал объяснений. Просто просил принять его слова на веру и исполнять просьбу. Загадочный браслет – простая безыскусная цепь из прямоугольных пластинок, матово поблескивающих на запястье, – ничего не добавлял и не отнимал у Зафса. С ним приходилось мириться, как с пластиковым инъектором, всегда прикрепленным к изнанке любой одежды ребенка, мальчика, подростка и теперь юноши Зафса Варнаа. И этот инъектор был гораздо хуже. Он приносил тупую головную боль, вязкие мысли и чувство обреченности – так будет длиться, длиться и длиться.

Пока Зафс Варнаа не раздаст долги.

– Я хочу, чтобы ты сегодня пошел со мной на вечеринку, – вливался в уши голос Левры. Нежный, щебечущий, возбужденный. – Мои друзья соберутся в доме Паланги... – Зафс не отвечал, и девушка шутливо ткнула его кулаком в бок. – Пойдешь?

– Прости, сегодня я обещал помочь отцу.

– Перестань! – Левра капризно надула губы. – Там будет весело! Соберутся только свои...

«Свои», – мысленно усмехнулся Зафс. Четыре часа назад он много бы отдал за такие слова. Левра выбирала свое окружение, как привередливая красotka выбирает украшение в ювелирной лавке, – сияющему камню требуется соответствующее обрамление. Зафс видел ее подружек. Много часов, скрываясь за живым зеленым пологом на окнах, он стоял и смотрел, как веселятся в соседнем дворе взрослеющие богини. Лукавые, неопытные грешницы, пленительные девственницы, ласковые девы-искусительницы...

Их было много, этих девушек. И еще больше часов без сна...

– Так ты пойдешь?!

– Нет, извини. Я занят.

Левра резко бросила машину вниз и, почти задевая днищем флаера верхушки деревьев, пронеслась над парком, беря прямой курс на их квартал.

– Не сердись, – попросил Зафс. – Когда-нибудь потом...

– Потом не будет.

Левера обрезала этими словами все надежды Зафса. Обкорнала, как неудавшуюся заготовку обещанного романа. И выбросила.

В мусор. Навсегда.

Если бы не предстоящий разговор с родителями, Зафс, пожалуй, позволил бы себе опечалиться. Отверг красавицу. Или она его отвергла?

Нет, этим мыслям не осталось места. На сегодня с него достаточно любовных неурядиц. Или неурядиц, приключившихся от любви?

Левера быстро привела флаер на стоянку возле их домов, и Зафс даже не сделал попытки как-то сгладить неловкость. Он хмуро попрощался, не получил ответа и медленно пошел по мягкой, пружинящей зеленым дерном тропинке.

«Знают или нет?» – тревожно размышлял проштрафившийся юнец. Не выдержав, послал тончайшую мысленить к дому и тут же отдернул, как обжегся.

Знают. Отец уже пришел из университета и принес маме известия – их сын снова выделился. Глупо, напоказ, как цирковой факир вращал шарами из планет, переставлял по полю битвы икры кораблей...

– Зачем ты это сделал?! – В голосе доктора Варнаа не звучало негодование. Только усталость, тягостная обреченность и грусть – их сын не хочет или не может совладать с давлением Знаний. – Почему?

– Оставь его, – тихо попросила мама. – Неужели ты не видишь – он влюблен.

– В кого?! – Отец развел руками. Создав в воздухе круг, он словно очертил вокруг сына замкнутое пространство вечного одиночества, глубокого, как пропасть.

– В соседку, – спокойно пояснила мама, и сын опустил голову.

– В Леверу?! Боже!

– Тихо, Орт Варнаа. Не кричи. Зафс взрослый человек и имеет право быть влюбленным в кого угодно.

– Вот именно, – фыркнул доктор, – в кого угодно. Левера – истинная дочь Лавиры. – Лавира – планета господствующего матриархата. Женщины этого мира славились не только красотой, но и заносчивостью. – Мог бы выбрать кого-то... – Отец не закончил и снова махнул рукой.

– Сердце не выбирает, – мягко проговорила Римма Варнаа и обратилась к Зафсу: – Ты не пропустил инъекцию, сынок?

– Нет, – хмуро ответил тот. – Папа, похоже, надо увеличить дозу, я – «слышу».

– Как много? – В отце тут же проснулся ученый. Но обеспокоенный тон доктора так явно показал юноше, что отец уже не знает, как ему помочь, что Зафс в который раз приуменьшил действительность.

– Только эмоциональный план.

– Плохо, – тем не менее огорчился доктор. – И через сколько часов после инъекции произошел «всплеск»?

«Он начался еще вчера», – мог бы ответить Зафс, но решение, принятое еще несколько дней назад, вновь не позволило ему быть откровенным до конца.

– Недавно. Уже после лекции. На лекции «выплеснулась» только память. Кстати, профессор Эйринам сказал, что вы знакомы, папа...

– Да, да, – пробормотал отец. – Еще до твоего рождения наши пути пересеклись на одной планете... Горентио все так же бодр? – задумчиво, гоняя в голове какие-то посторонние мысли, поинтересовался Орт Варнаа.

– Вполне, – также думая совсем о другом, ответил сын. «Я их измучил, – печально размышлял юноша. – Мама опять смотрит на кухонных роботов, словно уже прикидывает, что брать с собой в очередное путешествие, что оставить или уничтожить...» – Можно я пойду к себе?

- А пообедать? – Мать остановила его на пороге, но юноша покачал головой:
- Не хочется.

Поднимаясь в свою комнату на второй этаж, Зафс ничего не мог с собой поделаться, он – слышал. Отец и мама говорили о нем. Зафс не проникал в их мысли, не хотел сливаться до конца, считая неэтичным такую запрещенную близость, тихий разговор и без того звучал в его ушах, без всяких усилий проникая сквозь потолок и стены.

– Я больше не могу травить его разимом, – горестным эхом звучал в голове Зафса голос отца. – Транквилизатор уже превысил все мыслимые пределы, и я не понимаю, почему и как Зафс может побороть его воздействие...

– А если увеличить еще чуть-чуть? Осталось подождать несколько месяцев...

– Ты не понимаешь! – взвился голос отца. – Зафс превышает предельную дозировку пятикратно! А даже одна доза разима превращает обычного человека в бессмысленное растение! Навсегда!

– Ты настолько превысил дозировку? – поразилась Римма.

– Да! А ведь разим приравнивается к наступательному оружию! Если бы недельную дозу Зафса распылили сегодня в аудитории, вся тысяча человек впала в кому на несколько дней. Я больше не знаю, как и чем его контролировать.

– Орт, нам осталось потерпеть совсем немного! Придумай что-нибудь!

– Я боюсь, Римма. Разим разрушит печень Зафса.

– Но ведь ты постоянно обследуешь его!

– Да. К счастью для нас, разим имеет четко обозначенный побочный эффект. Но повышать дозировку бесконечно я не могу. Даже странный метаболизм нашего сына может не справиться. Тем более что тайком синтезировать разим становится все труднее и труднее...

– А если его заменить?

– Попробую, но вряд ли это даст результат...

Родители, оба медики, ушли в сугубо научное обсуждение параметров и схем воздействия новейших «тормозителей», а Зафс, побродив по комнате, лег на постель и, взбив подушки, уставился в потолок.

– Ночное небо, – приказал он комнате, и потолок расцвел букетом звездного скопления на фоне безграничной черноты. Мерцающие лепестки звезд опали и парили, туманности сложились в кольца и спирали, вытягивали щупальца и, кажется, тянулись к Зафсу...

Родители закончили «военно-врачебный» совет, мама пыталась хоть чем-то утешить отца и обернуть все шуткой:

– А как он выступил в твоей лаборатории!

– Уж выступил так выступил, – без всякого одобрения буркнул отец.

В бессилии что-то изменить Зафс несколько раз ударил затылком по подушке: предыдущий сильнейший «всплеск» произошел на кафедре отца полтора месяца назад. Зафс зашел за ним, чтобы предложить прогуляться перед ужином, и застал всю лабораторию в невероятном возбуждении. Ученик и лаборанты горячо обсуждали вероятную неудачу последнего эксперимента доктора Варнаа. Прибор, от работы которого зависело окончание многомесячной работы, сломался. Экран и датчики его потухли, и, если не запустить прибор в считанные часы, самый сложный эксперимент придется начинать заново.

Но ультрасовременный анализатор нейронных процессов был произведен и запатентован на Трапте, планете, специализирующейся на изготовлении точных приборов. Трапт бдительно следил за неукоснительным соблюдением секретности своих разработок, каждая установка включала в себя блок уничтожения. Для производства ремонтных работ требовалось либо вызывать механика-трапта, либо отсылать прибор на планету-изготовитель. Вскрыть приборную панель механизма с Трапта невозможно. Любая попытка проникновения внутрь изде-

лия моментально активировала блок уничтожения, и прибор просто распался на части и плавился на глазах «изумленной публики».

– Но гарантийный срок анализатора еще не истек! – едва не выдирая себе волосы, стенал отец. – Где механик?!

– Улетел в консерваторию на другой континент, – потерянно лепетала девушка-лаборант. – Там какой-то модулятор...

– Когда вернется?! – перебивая, рычал доктор.

– К вечеру. Мы отправили срочный вызов, но он застрял с поломкой модулятора и вряд ли успеет вовремя...

Громко хлопнув ладонью по прибору, доктор Варнаа выскочил из дверей лаборатории. Большинство учеников поспешили вслед за ним, кто-то вернулся к своим занятиям, возле метрового куба анализатора остались только Зафс и абсолютно лысый штатный ремонтник университета. Абориген растерянно почесывал ухо и рассматривал прибор как злейшего врага.

Востребованность и успешность приборов с Трапта основывались не столько на безукоризненности их работы и относительной дешевизне, сколько на взаимозаменяемости многих блоков и простоте ремонта. Гениальные разработчики с Трапта не драли три шкуры за свои изделия, так как знали: если прибор может починить только урожденный трапт, то иногда механизм дешевле утилизировать и купить новый, чем маяться с вызовом ремонтника.

Расчет на дешевизну окупался масштабами производства. Трапт почти не изготавливал для своих приборов эксклюзивных начинок, а обычно пользовался готовыми блоками, завезенными с других планет. Гениальность разработок основывалась на исключительно выверенном подборе соединений «внутренностей». И небольших, произведенных на Трапте дополнениях.

Зафс погладил ровные края анализатора, просунул руку под днище прибора и, нащупав там выпуклость в форме семи лепестков, пробежал по ним пальцами в определенном ритме.

Любой механик с Трапта знал, как отключить блок уничтожения ритмичным нажатием на кнопки под днищем, – они же отпирали заднюю панель механизма. Все просто, если запомнить мелодию набора и ритм.

Зафс тоже это знал. Откуда? Не имел понятия.

Просто знал, и все. Нажал на кнопочки-лепестки, и задняя панель открылась.

Как рот лысого университетского механика.

– Как это у вас получилось?!

– Сам не понял, – повернувшись всем телом к анализатору, ответил Зафс. – Я столько времени провел в лабораториях отца, столько раз видел траптов за работой, что просто попробовал наудачу нажать под днищем.

– Запомнили, как получилось? – въедливо прищурился абориген.

– Неа, – беспечно отозвался сын доктора Варнаа. – Посмотрите-ка лучше сюда. Вам не кажется, что замены требует блок питания?

Блестящая голова механика склонилась над анализатором.

– У вас есть нечто подобное?

– Угу, – пробормотал тот и мухой слетал за простейшим заменным блоком.

Зафс вставил его на место поврежденного и якобы по рассеянности захлопнул заднюю панель.

– Ой. Закрылся.

– А еще раз! Еще раз попробуй!

Зафс попробовал. Задняя панель стояла насмерть, как взвод новобранцев на передовой.

– Ну-у-у, второй раз не повезет, – опечаленно произнес юноша и пошел разыскивать отца.

Рука штатного механика проворно елозила под брюхом анализатора и пыталась выудить оттуда удачу за хвост.

* * *

Отец тогда ругался, но не слишком. Небольшой скандал, разыгравшийся после возвращения механика-трапта, удалось легко замять. Случайности происходят. Иногда.

Сегодня мама пыталась придать происшествию в лаборатории шутливую окраску. Получалось плохо.

Зафс чувствовал ее старания, чувствовал, как она страдает, мучился сам и невольно, все больше и больше, погружался в мысли матери. Вливался, как холодный поток, ищущий тепла, но ощущал там только страх. Такой же леденящий, как тревоги Зафса.

«Я их измучил, – думал юноша. – Еще немного, и родителям самим потребуются инъекции разима...»

Не вставая с постели, он дотянулся до кармана куртки, вынул крошечную тубу и, наплевав на то, что до положенного часа осталось еще долго, впрыснул под кожу разим. Пятикратно превышающий дозу нормального человека.

Чужой и такой родной перешепот мыслей исчез из его головы, и Зафс остался наедине с собой. «Я должен уйти, – в который раз за последние дни подумал юноша. – Если разим перестанет блокировать телепатические эманации, меня поймает первая же ловушка в учебном корпусе или на улице, и я погублю родителей. Их запрут в резервации, запретят преподавать или оставят на свободе, но насильственно стерилизуют. Пары латентных телепатов не имеют права на потомство. Мое существование станет их приговором в любом случае. Пока не поздно, я должен исключить себя из жизни семьи Варнаа. Медлить больше нельзя».

О том, что однажды Зафсу придется спастись бегством, мама и папа говорили неоднократно.

– Не думай о нас, сынок, – увещевала Римма Варнаа. – Что бы ни случилось с нами, ты должен спастись. Это важно, очень и очень важно. Ты – главное, мы только твои помощники.

Мама говорила с ним как с неразумным ребенком. Настаивала на повторях и, просительно заглядывая в глаза, твердила: «Твоя жизнь самое ценное, что только может быть на этом свете. При любой опасности оставляй нас и беги».

Родители предусмотрели все: в доме всегда хранился запас наличных денег, отец неизменно следил за пополняемостью личной аптечки Зафса и заготовлял впрок почти месячный резерв полных инъекторов. Мама и папа предусмотрели каждый шаг, любую вероятность...

– Что бы ни случилось, ты должен попасть в столицу миров Фартфа. Там в Центральном банке ты получишь доступ к ячейке, зарегистрированной на твои генетические показатели. В этой ячейке хранятся деньги, документы и информация, которая поможет тебе жить дальше. Запомни. Что бы ни случилось, ты должен добраться до этого сейфа. Там – все. И прежде всего ответы на вопросы, которые ты готов задать сейчас.

В самом затуманенном разимом состоянии Зафс находил несоответствия и нестыковки в объяснениях родителей. Почему он *такой*? Что за тысячи имен, событий и смертей бродят в его сознании? И что это – наказание? Муки чужой памяти и знаний не давали жить. Все уловки и объяснения родителей Зафс давно мог бы расчленить на составляющие, найти узел несоответствия и – понять. Даже в полуактивном состоянии его интеллекту не требовалась помощь извне, аналитическим путем Зафс Варнаа всегда добивался разрешения любой задачи самой высокой сложности. Его мыслительные способности опережали реакции нормального оперативного мышления – стократно. И в этом не было высокомерия чрезмерно развитого интеллекта, в этом была мука. Зафс Варнаа мучительно страдал от груза знаний, что приходилось прятать, как огромный багаж в крошечной кладовой.

И в первую очередь от самых близких людей.

Игра в непонимание давно навязала семье незыблемые правила, каждый из них старательно берег родного человека от переживаний, не задавал вопросов и принимал слова на веру. Так надо. Так будет правильно и верно.

Подобная игра не вызывала раздражения. Близкие люди не задают пустых вопросов. Муж принимает слова жены за правду и предпочитает не видеть обмана. Любящая мать становится слепа и безоглядно доверяет своему ребенку. Намеренная слепота не унижает, она лишь подтверждает чувства.

Орт Варнаа был гениальным ученым-практиком. Каждый день незаметно и исподволь он учил, воспитывал в своем ребенке с необыкновенными способностями умение – любить. Он укрощал строптивый разум добротой, и каждому его слову Зафс подчинялся добровольно.

Иначе все ухищрения стали бы бесполезны. Зафс Варнаа был слишком умен, чтобы не понимать, не видеть кропотливой работы отца над его самосознанием. Зафс принимал его заботу и отвечал на нее так, как только может ответить любящий сын отцу-учителю.

«Я должен их оставить, – с грустью думал Зафс, разглядывая звездные скопления. – Они не заслужили тех тревог, что каждый день я приношу в их дом. Я должен их оставить».

Побег не будет сложным, как казалось юноше. Родители всегда держали наготове все необходимое. По меркам планеты, где они находились сейчас, Зафс уже считался совершеннолетним и мог путешествовать на любые расстояния без сопровождения «взрослых». Пока ментальные способности юноши остаются тайной, он сможет купить билет на трансгалактический лайнер, долететь до миров Фартфа и там наконец узнать правду о себе. Сегодня Зафса Варнаа еще не объявили телепатом, не занесли его генетические данные в реестр преступников, так что бежать надо сейчас. Завтра может быть поздно. Как только первая ловушка определит в нем ментала, начнется охота, и добраться до Фартфа станет почти невозможно.

Зафс приказал коммуникатору комнаты связаться с информационной базой орбитального космопорта и выяснить расписание пассажирских лайнеров, проходящих до миров Фартфа.

– Первый лайнер отправится через четыре дня, – мелодично сообщила комната.

– Резервируй билет первого класса, – зевая, попросил юноша. – Конечный пункт столицы Фартфа.

«Будет сделано», – пообещал коммуникатор и пожелал хозяину спокойной ночи.

«Все будет хорошо, – засыпая, подумал Зафс. – А пока я – тайна. Непонятная величина с неясными пропорциями, секрет и казус генетического всплеска...»

Зафс, подчиненный действию разума, крепко спал. Профессор Эйринам сидел перед работающим коммуникатором и отправлял послание старинному другу – государственному кардиналу Даурт Тему.

Воспоминания о встрече со странным юношей никак не могли выветриться из головы старого профессора. Зафс Варнаа не помещался в обычные рамки, его уверенная работа с видовым изображением битвы, произошедшей пятьсот лет назад, познания в узкоспециализированной области – древнейшей истории Земли – так поразили Эйринама, что не позволили заснуть. Профессор немного поработал с информаторием университета, сел за коммуникатор и составил послание. После приветствий и малозначащих сообщений там шли слова:

«Высокочитимый кардинал, помня Ваши неоднократные просьбы сообщать обо всех молодых людях с неординарными способностями, я, наконец, имею возможность выполнить данное Вам обещание.

Не далее как сегодня я познакомился с юношей, в точности подпадающим под описанные Вами способности. Зафс Варнаа, сын доктора Орта Варнаа, как его представила подруга, на

моих глазах поменял рекогносцировку Туранской битвы – причем блестяще и бесспорно! – а позже поразил меня глубокими знаниями в другой отрасли – древнейшей истории Земли.

Юноша довольно замкнут и не старается произвести впечатление. У меня сложилось о нем довольно странное мнение, юноша отчего-то стесняется своих обширных знаний.

Почему? Я не могу ответить. Я только исполняю Вашу просьбу, – Вы ищете способных молодых людей не старше двадцати лет для привлечения их на государственную службу. Зафс Варнаа полностью отвечает Вашим требованиям. В нем нет даже намека на агрессивный карьеризм, он спокоен, самодостаточен и чрезвычайно развит умственно.

Удивляет в нем одно. В столь юные годы он не был зарегистрирован как студент ни в одном из университетов, где работал его отец! Я только что проверил все списки, сравнивая их с местами преподавания доктора Варнаа. О студенте по имени Зафс Варнаа не существует упоминаний, и этот факт ставит меня в тупик.

Зафс Варнаа уникам и самоучка?

О встрече с подобным юношей Вы много раз просили меня сообщать, и, каюсь, я думал, что никогда не смогу выполнить эту просьбу.

Но – довелось.

С глубоким к Вам почтением,

Горентио Эйринам».

Зафс Варнаа крепко спал и не знал, что впервые за два десятилетия упорные охотники вышли на его след.

Профессор Эйринам выключил коммуникатор и с чувством выполненного долга сел за составление очередной лекции для очередного университета.

Он не был доносчиком. Он только хотел помочь блестящему молодому человеку найти себя. Так как считал: таланты должны иметь достойное и широчайшее применение.

Но получилось так, что профессор Эйринам непредумышленно приоткрыл Вселенной тайну Зафса Варнаа. Неутомимые, недремлющие преследователи вышли на охоту.

Как было предсказано много лет назад, легис стал добычей.

Ведьма

– Смотри, смотри – идет, – едва шевеля синеватыми тонкими губами, говорила худосочная женщина в сером чепце и коричневом платье, утянутом в талии меховым жилетом-безрукавкой. – Не идет, шествует, ведьма проклятая...

– Она всегда так ходит, – поправляя выскакивающий из-под мышки рулон домотканой ткани, миролюбиво отвечала товарка – пожилая полная женщина в таком же сером с вышивкой чепчике и длинном платье, туго сходящемся на круглом, как свежая булочка, животе.

– А голова не покрыта! – не сдавалась, укоряла приятельница. – Распустила космы!

– Так она родом с других мест, – спокойно возражала толстушка. – У них там, поди, все простоволосые ходят.

– С других мест, – фыркнула первая женщина. – С островов она! Вот точно говорю – с островов!

– Островитяне к нам не ездят, Фитра, – напомнила товарка.

– А ее – выгнали!

– Нет, – совершенно не меня невозмутимого тона, не соглашалась приятельница. – Островитяне всегда на островах живут, своих не выгоняют.

– Ой, – пристроив острые кулачки на тощих бедрах, возмутилась Фитра. – А как же Странхольд! Он же – островной!

– Так когда это было, – махнула ладошкой приятельница, и рулон тут же чуть не шлепнулся в жидкую грязь улицы, разбитой колесами телег и щедро политой ночным дождем. – Старик помер уже тридцать лет назад, а вы все – Странхольд, Странхольд...

– Так ведь было, Марита! Выгнали его с островов!

– Он сам ушел. Не было у него способностей, он и ушел. Чего ж ему, слепому, со зрячими жить?

– Ох, не понимаю я тебя, Марита, – скорчила задумчивую гримасу вертлявая товарка, – все-то ты ее защищаешь, все-то отговариваешь. Добрая ты у нас... Иль задобрила она тебя чем? – и прищурилась уже на высокую женскую фигуру, медленно поднимающуюся по вздыбленной горе улицы, а не на свою приятельницу.

Та сразу не ответила, поправила сначала сбившийся чепец, потом рулон ткани и, шумно попыхтев, проговорила:

– А зачем мне на нее сердиться? Она меня, поди, не трогает.

– А тебя все трогать надо! Без затрещин ты не опомнишься!

Товарка не ответила. Женщина в длинной, отороченной мехом накидке почти сравнялась с двумя кумушками, застывшими на косогоре.

– Хорошего вам дня, госпожа Гунхольд! – громко выкрикнула Марита.

Простоволосая чужестранка слегка улыбнулась в ответ:

– И вам доброго дня, соседка Марита.

– Как поживаете? – пряча ехидство, поинтересовалась костлявая Фитра.

– Хорошая погода будет сегодня, – не задерживая взгляда на недобром лице, ответила колдунья и пошла дальше.

– Гордячка, – пожевав губами, словно плюнула ей в спину Фитра. – И герцога она заговорила. Вот помяни мое слово, еще на трон усядется!

– Не мели ерунды, – сурово отчеканила Марита. – Не наше это дело – их светлость обсуждать.

– А чье?! – Кулачки Фитры вновь вонзились в бока. – Заговоренный герцог, поди, и нашей деревней править будет! А оно нам надо? Чтоб заговоренный-то управлял?

– Она старого герцога лечила, – нахмурившись, попыталась вставить толстушка.

- До смерти, – перебила Фитра, – залечила.
- В девяносто лет? Он бы и без нее помер... А так хоть еще немного протянул.
- А слышала, – приблизив губы вплотную к чепцу Мариты, зашептала соседка, – говорят, карету герцога опять возле речки в лесу видели. Опять к ней ездить стал...
- Так деток проведать приезжал, – легко согласилась приятельница. – Что ж не приезжать-то?
- Вот увидишь, – вновь отпрянула Фитра, – не сама, так сыночка своего на трон посадит!
- Тише! – шикнула Марита. – Не нашего ума дело! Других наследников у герцога все равно нет.
- Ага, – кивнул серый чепец. – А жену герцога кто бесплодной сделал?
- Опомнись, Фитра! Савьяна всегда бесплодной была! Двадцать лет в браке с их светлостью прожила, и все без детей!
- Ведьмины проделки!
- Да что с тобой говорить-то, – подпрыгнув и пристроив сползающий рулон поглубже под мышку, сказала соседка. – У тебя все, чего ни коснись, – ведьмины проделки.
- Так это вам, дурням, она деньгами глаза застит, а меня-то не проведешь!
- Какими деньгами?! – выпучила глаза Марита. Фитре все же удалось выбить ее из равновесия. – Какими деньгами?!
- А что твой Статум-плотник на постройке ее дома заработал! – отскочив на всякий случай подальше, выкрикнула тощая скандалистка. – Что думаешь, не знаю, из каких карманов вы свою мощну набиваете?! Мироеды!
- Так я ж не виновата, что твой муж свинопас, а мой плотник! Мы ж за работу деньги-то получили!
- Мироеды! Подхалимы!
- Дура бестолковая! Завистница! Иди кур своих корми, поди, давно от голода кудахчут... как ты!
- И пойду! Советов твоих дожидаться не буду!
- Тьфу на тебя!
- И на тебя тоже!

Шум перепалки катился по улице, стучал в окна домов, шуршал по дощатым и каменным заборам. Высокая женщина в отороченной черным мехом накидке поймала отголосок перебранки и слабо усмехнулась. «Опять мне кости перемывают, – совсем не весело подумала леди Даяна Геспард. – И чего ж не уймутся-то?»

За пятнадцать лет жизни поблизости от этой деревни Даяна переняла нехитрую манеру простолудной речи и все чаще и чаще использовала их обороты в разговорах и мыслях. Пройдет еще немало времени, пока леди Геспард, урожденной графине Оскардуан, удастся навсегда раствориться в людской массе населения закрытой планеты Сахуристар. Пустить корни, закрыться побегами и стать частью этого народа.

Но вот стать ли?..

Почти четыре года леди Геспард металась по галактикам, путая следы, сбивая, страшивая охотников. Ее ментальные способности уже почти затихали, когда Даяна наконец решилась – пора остановиться, пора найти убежище. Она уже не так явственно слышала чужие мысли, погоня перестала дышать ей в спину, и Даяна, купив на последние деньги крошечный корабль, пустилась в последнее путешествие. К конечной точке, туда, где только один человек сможет ее найти: на закрытую для колонизации планету Сахуристар системы Органелла.

Но найдет ли он ее?.. Жив ли он? Свободен?..

Леди Геспард, взявшая теперь себе имя госпожа Гунхольд, до боли закусила губу. Не думать! Не бередить незаживающую рану! Он жив. И он – свободен!

«Пусть даже я никогда об этом не узнаю, – шагая по разбитой телегами и дождями дороге, думала Даяна. – Я просто буду ждать и – верить!»

Все четыре года странствий по галактикам леди Геспард жила одной надеждой – остановиться. Найти волшебный лес и тихую речушку, попасть в тенистую дубраву и выстроить дом возле прозрачного родника, где полосатый зверь лакает воду, а птица с радужным оперением, вскрикивая «гарри-ох!», танцует брачный танец...

Населенная планета Сахуристар была закрыта для посещений и колонизации, и это более чем устраивало беглянку. Опускаясь с орбиты, здесь не нужно проходить регистрацию, оповещать космические маяки о пути следования. Сахуристар – закрытый мир, он не готов к контакту с развитыми цивилизациями, даже аварийный спуск на подобную планету считался преступлением. Для подобных случаев был оборудован автономный спасательный бункер с ремонтными шахтами под поверхностью единственного спутника планеты – Миаллы.

Пятнадцать лет назад крошечный корабль Даяны подал сигнал бедствия, укрытые скалистыми выступами двери бункера автоматически открылись и выпустили внутрь спасательной базы яхту с беглянкой на борту.

Сухая пыль, проникшая вслед за кораблем с поверхности Миаллы в шлюз, медленно осела, стыковочный рукав присосался к двери яхты, и Даяна перешла на станцию.

Спертый, веками не тревожимый воздух подземного бункера медленно насыщался свежим кислородом; яхта передала компьютеру базы необходимые параметры жизнедеятельности прибывшей путешественницы. Микроклимат выравнивался – из обжигающе холодного становился терпимо прохладным, – база активизировалась впервые за двести пятьдесят лет.

Блестящая поверхность приборов, ящиков с медикаментами, провиантом и ремонтным инвентарем совсем не покрылась пылью веков. Стоячий воздух не гонял по коридорам и переходам мириады крошечных песчинок, все это оставалось на поверхности, внутри же царил абсолютный порядок и герметичность, как обязательное условие нормального существования законсервированного убежища для потерпевших кораблекрушение.

База поприветствовала беглянку на общегалактическом языке, поинтересовалась, есть ли раненые на борту яхты и какая требуется помощь...

Не обращая внимания на вежливые речи, леди Геспард быстро прошла к пульту управления базой и, набрав код секретной полицейской операции, перевела управление бункера в ручной режим.

– Сообщение о приеме аварийного корабля отправлено космической навигационной службе? – спросила компьютер.

«Нет. Жду дополнительной информации о потерпевших бедствие...»

– Отставить, – перебила Даяна. – Сообщение стереть. База переходит в подчинение леди... госпожи Гунхольд. То есть мое.

Общение с легисом многому научило Даяну. Секретные коды полицейских и разведывательных операций, пароли и явки пиратского братства, шифр подавления активности навигационных маяков – все это прочно обосновалось в голове леди Геспард и помогало ей оставлять погоню далеко сзади. Знания правили миром, секретные знания спасали жизнь.

«Покормить ваше животное, госпожа Гунхольд?» – вежливо поинтересовалась база.

Даяна обернулась к шлюзовой камере, посмотрела на беспечного полосатого кота, обнюхивающего какой-то ящик, и отказалась:

– Зверь сыт. Откройте информацию о географии, климатических условиях, животном мире и... политическом строе общества Сахуристара. Полная информация.

Любой приказ или просьба человека, набравшего код полицейской операции, выполнялись мгновенно. Трехмерное изображение планеты повисло в воздухе над видовым устройством, и компьютер начал рассказ. Показывая гостю четкие кадры пейзажей планеты, он

информировал о климатических условиях наиболее обжитой части Сахуристар, Даяна внимательно вглядывалась в живые картинки и наконец, сверившись со своей памятью, сказала:

– Стоп. Остановимся более подробно на средних широтах. Конкретно мне нужно найти изображение небольшого теплокровного зверя с полосато-коричневой окраской спины и птицу. Довольно крупную, с радужным оперением хвоста и крыльев.

Зверька нашли быстро. Папан оказался одним из широко распространенных грызунов и встречался на обоих населенных континентах Сахуристар.

– Плохо, – сидя у видеоискателя, пробормотала Даяна. – Слишком большой ареал проживания, слишком большой радиус поиска. Птица?

– Аналогов нет. Специалисты по орнитологии не работали на Сахуристаре, и видовые изображения птиц считаются неполными.

– На планете существуют орнитологические музеи?

– Нет.

– Зверинцы?

– Да. Но это слабоорганизованные, бродячие труппы.

– Вряд ли там есть птичьи вольеры, – огорченно задумчиво пробормотала Даяна. – Как полагаешь, Кавалер?

Полосатый кот согласно тряхнул ушами и, запрыгнув на хозяйкины колени, поставил передние лапы на панель управления. Умный зверь тоже хотел участвовать в поиске места их будущего жилища. Кавалер немного сохранил способности к мысленному контакту, и этих остаточных способностей хватало беглецам-приятелям, поскольку у леди Геспард, сбежавшей жены потенциального Верховного Консула Конфедерации Свободных Миров, не осталось приятелей среди людей. Только этот пушистый полосатый зверь и остался верен хозяйке.

Кот дернул шкурой, и леди кивнула:

– Я тоже так думаю. Птица может оказаться редким эндемическим видом, не попавшим в обследованную зону. И это нам в помощь. База, где находятся наиболее мощные образовательные центры средних широт?

Общение с легисом научило леди не только скрывать и путать следы. Системный поиск и анализ данных также входили в процесс обучения. Как и предсказывалось, мыслительные способности Даяны превысили данные ординарного человека и, хотя и не приблизились к показателям легиса, тем не менее позволяли леди опережать показатели обычных людей. Легис развил мозговые данные Даяны, преумножил операционные возможности и – научил.

Даяна искала лес на берегу реки, где долго бродила в своих снах, спасалась от приступов безумия и страха. Она ни разу не бывала на планете Сахуристар, но знала, где-то там, внизу есть чистая речка, тихий лес и булькающий родничок под косогором...

Пусть что-то изменилось на поляне и в лесу, но поворот реки, изгибы рукавов не должны претерпеть сильных изменений за... за сколько столетий? Когда какой-то из легисов был на этой планете?

– Надеюсь, река не поменяла русла, – тихо проговорила леди и вновь вернулась к изучению теперь конкретных адресов – важнейших университетов закрытого мира.

Мрачные каменные дворцы знати, основательные городские строения, ветхие домишки с облупившейся штукатуркой стен и соломенные крыши сараев – города напоминали лоскутные одеяла. Вокруг гранитной глыбы дворянского гнезда лепились низкорослые дома вассалов – планета бодро шагала через феодальный строй и несла в себе зачатки буржуазии. Морской порт одного из городов окружали складские помещения, добротные сараи и маленькие, дымящие высокими трубами фабрики и мастерские.

Университеты имели громкие названия и подавляюще величавые здания, Даяна всматривалась в трехмерное изображение учебных заведений и досадливо хмурилась: среди студентов и преподавателей, одетых в длинные черные мантии, не было ни одной женщины.

– Когда была сделана последняя аэросъемка этого города? – спросила Даяна базу.

«Триста восемьдесят шесть дней назад, когда орбита Миаллы...»

– Анализ социально-бытового положения женского населения планеты производился? – перебила Даяна.

«Производился», – четко ответила машина.

– Когда?

«Триста пять лет назад, когда экспедиция Улатра консервировала базу...»

– Достаточно, – оборвала Даяна.

Закрытая планета не принимала исследователей уже более трех столетий. «Придется производить редакцию по внешним признакам, – с недовольством подумала Даяна. – Но пока результаты плачевные: мужчины-преподаватели, мужчины-студенты, ученые, клерки, правители, – везде и всюду одни мужчины. Это их мир, их чертов феодальный строй...»

На видовом фоне застыло изображение каменной улицы: дома из тесаного гранита, мостовые бугрятся разномастным, отполированным подошвами булыжником, по тротуару бредет пара надменных седовласых старцев с каменными лицами в меховых накидках и шапочках-беретах.

Даяна поменяла картинку и увидела портовую площадь с таверной, окруженной чахлыми деревьями и несколькими грубо сколоченными столами и лавками. Женщина в белом переднике поверх длинного коричневого платья и сером чепчике на пышных рыжих волосах несла огромные глиняные кружки компании моряков с грубыми, просоленными лицами.

– Где-то я это уже видела, – прищурилась Даяна. – Как будто бы...

Что-то близкое и до жути знакомое было в этой женщине, веселящихся моряках, сером булыжнике площади. Одежда и пивные кружки, громоздкая обувь и грубое дерево тяжелых столов...

– Голландцы! – выплеснула вдруг память.

Древние картины, написанные маслом на... холстах! – на стенах замка рода Геспардов! Свекровь Даяны старая леди Геспард не признавала современного искусства.

– Ваши объемные светящиеся полотна, – поджав и без того тонкие губы, свекровь по капле выцеживала слово «полотна», – вы можете развешивать в своих домах. В родовом поместье клана Геспардов будут находиться только работы настоящих мастеров. – И добавляла неоконченную тяжеловесную фразу: – Вот я умру...

На этом месте лорд Эдриан шутливо обнимал мать и говорил Даяне:

– Порой мне кажется, что мама помнит первые корабли земных колонистов.

– Род Геспардов построил много кораблей! – горделиво вздернув острый подбородок, напоминала старая леди. – Ты должен гордиться фамилией, а не фиглярничать, как шут!

– Каюсь, каюсь, каюсь, – улыбался сын и подмигивал Даяне через плечо матери: – Лет через пятьдесят я осяду в этом замке, обвешусь полотнами и научусь гордиться.

Эдриан действительно фиглярничал. Род Геспардов был одной из самых древних и славных фамилий планеты Земля, и только несколько показная, старческая надменность матери могла вызвать в нем усмешку. Последний лорд из клана Геспардов посвятил себя Большой Политике, где не приветствуются аристократические замашки старых семей. Популярность демократического правителя стоит на видимости равноправия, высокомерие несет намек на диктатуру.

А лорд Геспард не имел претензий на абсолютную власть. Он был больше ловок, чем умен, более осторожен, чем решителен, его умение лавировать в потоке чужих интересов когда-нибудь приведет потомка рода Геспардов на высший пост – пост Верховного Канцлера Конфедерации.

Так было обещано Даяне. В обмен на ее предательство лорд станет Канцлером.

...Картинки из прошлой жизни надолго отвлекли Дайну. Сжигая парсеки и световые годы, она неслась в систему Оргавелла, мечтала добраться до информационной базы законсервированной станции, найти волшебный лес и вдруг – вернулась в прошлое. Остановилась в шаге от мечты, сидела и смотрела на ожившие полотна, жанровые сценки с картин древних живописцев.

Былое никак не отпускало леди. Как два неясных призрака, лорд Эдриан и его мать стояли за ее спиной и укоряли памятью.

– Да! Вы мне помогли! – отпихнув в сторону пульт управления, выкрикнула Даяна, и эхо грохотом пронеслось по пустынной станции. Кот, больно оцарапав ее колени, спрыгнул на пол и укоризненно взглянул снизу вверх. – Помогли! Но теперь – уйдите!

Ничего не понимающий кот чутко водил ушами и оглядывался в поисках врагов. Его хозяйка сердилась, гнала кого-то прочь, но, кроме него и леди, в бункере никого не было!

Даяна дотянулась до зверька, погладила его между ушами и более спокойно принялась листать видовой журнал базы. Древние полотна из коллекции свекрови внезапно примирили ее с непонятной планетой. Чем дальше Даяна углублялась в изучение общественного строя, особенностей архитектуры, бытового уклада жизни сахуристарцев, тем больше находила соответствий с земной историей. Невероятные совпадения казались почти мистическими, уже найдя для понимания отправную точку – живопись, голландцы (или, может быть, фламандцы?), Средние века, Западная Европа, – леди Геспард поражалась параллельному течению развития двух столь далеких (астрономически далеких!) цивилизаций. Попросив базу перевести работу языкового редактора-переводчика на земную терминологию, она находила соответствия во всех областях. Герцоги – правители и дворяне – вассалы, бургомистры и магистраты, определения царствующих и должностных лиц всегда находили аналоги в земном языке. Том, на котором разговаривали лорд Эдриан и его мать. Если бы не уверенный ход атомных часов и показания навигационных приборов, Даяна решила бы, что она провалилась во времени и случайно попала в средневековую Европу.

В какой-то момент она даже попросила базу вывесить рядом с Сахуристаром макет земного глобуса, сидела перед шарами двух планет и сравнивала очертания континентов.

Нет, все же не Земля. Два обжитых континента практически на одном полушарии Сахуристар не напоминали земные материки.

Это другая планета. И различия были. И прежде всего сахуристарской «средневековой Европе» удалось избежать насилия инквизиции. Религиозные институты Сахуристара не имели подавляющего влияния и практически не вмешивались в политику. Монотеизм как таковой вообще отсутствовал. Даже на Северном континенте. На Южном же существовал целый пантеон богов – веселых, обыденных, незлобивых.

На Южном континенте царили более доброжелательные нравы, но, к сожалению для Даяны, Северный больше подходил для поисков волшебного леса.

А это был мир мужчин, мир «средневековой Западной Европы», одетый в меховые накидки, береты с бляшками из каменьев, с кинжалами, пристегнутыми к кожаным ремням. На крупном плане университетских построек Даяна увидела лишь нескольких женщин, одетых в форму прислуги. Судя по нарядам, женщины принадлежали к низшим сословиям, и это никак не отвечало планам леди Геспард.

Неужели ей придется переодеваться горничной и в таком виде исследовать библиотеки учебного заведения?!

Нонсенс. Даяна меньше привлечет внимания, если появится голой на ратушной площади!

Так уж, по крайней мере, ее примут за сумасшедшую, а не за опасную шпионку...

Но...

– Компьютер, стоп!

По тесным каменным ступеням университетского крыльца свободно и легко поднималась женщина в бордовом плаще, подбитом черным мехом. Два юнца-студента почти столкнулись с ней под аркой портала, но отступили, освобождая дорогу, и некоторое время смотрели вслед величественной незнакомке. Женщина явно была чужестранкой, ее одежда и непокрытая голова выдавали в ней жительницу других мест.

– Кто это? – строго спросила Даяна. – Увеличить, определить расовую, этническую, социальную принадлежность.

«Женщина – жительница островов, расположенных между Северным и Южным континентами. Эта народность осталась практически неизученной, так как островитяне ведут замкнутый образ жизни и не допускают на свои территории посторонних».

– Почему?

Как любой электронный мозг, компьютер не любил подобных вопросов и впервые выдал неконкретный, обтекаемый ответ:

«По известным причинам планета не подвергалась тщательным исследованиям. Островитяне – закрытая нация. Могу представить лишь обзорные видовые данные их поселений».

– Представь.

Скалистая цепь островов, местами в долинах покрытая пышной растительностью, постепенно увеличивалась перед глазами леди Геспард и, наконец, выросла до изображения аккуратной, геометрически верно выстроенной деревни.

Мужчины, женщины и дети бродили меж невысоких – наполовину каменных, наполовину деревянных – домов. Кто-то возился в ухоженных огородах, дети пасли скот на травянистых склонах, высокая стройная женщина взмахом руки отправила куда-то группу мужчин, вооруженных арбалетами. Пожалуй, это были охотники. А женщина – правитель, староста деревни?!

Охотники углубились в расщелину между скалами, женщина вошла в дом, расположенный в самом центре селения.

– Компьютер, почему сразу не выдал информацию о жителях островов? – строго спросила Даяна.

«Острова не соответствуют требуемым географическо-климатическим привязкам, – ответил электронный мозг. – На них отсутствуют реки и равнинные лиственные леса».

И все же... Женщина-островитянка свободно вошла в здание университета. В ней было много привлекательного, и главное – о счастье! – на ней не было дикого серого чепца с вышивкой и завязками под подбородком! Даяна все могла представить на своей голове: шлем пилота боевого фляера, шляпку, диадему, корону, платок и даже отсутствие волос. Но этот чепчик с оборками, убожество, символ домашне-бытового использования женщин, – нет. Ни за что!

Головной убор – это гордость женщины, его следует носить с достоинством. Или хотя бы с привычкой. Представить себя в домотканом чепце леди Геспард могла только со смехом. А смех или неловкость в разведывательной операции смерти подобны.

– База. Создать экипировку, подобную одежде этой женщины. – Даяна вернула картинку, на которой впервые увидела жительницу островов. – Накидку, обувь, платье, все вплоть до мельчайших деталей, пуговиц и шнурков. Ничто не должно отличаться ни на йоту.

«Будет исполнено», – отрапортовал компьютер.

Даяна тяжело поднялась из кресла, тягуче медленно вытянулась, расправила застывшие после длительного сидения мышцы. Она выполнила то, зачем неслась, сжигая парсеки и световые годы, страшивая погоню в каждом порту. Это была самая важная часть работы, а теперь можно заняться более незначительными делами: накормить кота, не забыть себя, исследовать прочие помещения законсервированной станции.

Даяна вернулась к шлюзовому переходу и, повернув налево, вошла в самый большой отсек подземного бункера – медицинский. Ремонтные мастерские находились за пределами

непосредственно базы, там не было климатических установок, и работы проводились либо роботами-механиками, либо людьми в скафандрах. Медицинский отсек, как на любой спасательной станции, был наиболее важным помещением. В огромной, выдолбленной в скальных породах пещере двумя рядами стояли прозрачные капсулы медицинских боксов: хирургические, противоожоговые, терапевтические, акушерские, мультиколыбели-педиатры. Трансгалактический лайнер здесь, конечно, не разместил бы своих пассажиров, но для пострадавших членов команды транспортного корабля места вполне достаточно. Система Оргавеллы не стояла вблизи оживленных галактических трасс, и вряд ли какой-нибудь сбившийся с курса лайнер мог бы попросить убежища на Миалле. Но для грузовых или исследовательских кораблей мощностей базы хватало с избытком.

Даяна могла бы просидеть в закрытом бункере сто лет. С котом, его потомством и еще гостей хлебосольно принимать. Хранилище пищеблока было забито нетронутым запасом сублимированных продуктов под завязку. Леди Геспард полюбовалась на ряды консервов и, поманив за собой Кавалера – пошли, мышей здесь нет, – отправилась в столовую. Там, приготовленный заботливой базой, их давно ждал сытный обед.

Кавалер вприпрыжку бросился на запахи камбуза, Даяна, размышляя о странной близости двух далеких планет, вошла в столовую и ахнула. Застолье, приготовленное для леди и кота, могло бы удовлетворить потребности трех изголодавшихся мужиков. Кухонные роботы заставили тарелками двухметровый стол, от горячих блюд поднимался трепетный дымок, охлажденные закуски и напитки стояли в специальных ячейках, мисочки кота выделялись квадратной формой и явно сырым видом провианта.

«Вот и спорь после этого, разумен электронный мозг или нет. – Вздохнув, леди села за стол. – Компьютер как будто соскучился по обществу за два с половиной столетия и теперь не знает, как угодить...»

Впрочем... Предупредительность электронного мозга можно объяснить и более просто. Активированная после долгого бездействия база проверяла в действии работу служб жизнеобеспечения и автоматически включила ее на максимальный для двух посетителей режим. Куда бы ни шли Даяна и кот, их везде сопровождали комментарии станции, свет горел во всех помещениях – база проверяла саму себя.

– Отличная работа, – похвалила леди компьютер, но съела чуть больше одной трети, и то с помощью кота. Кавалера почему-то совершенно не заинтересовали миски с кошачьим кормом, он привычно закусывал тем же, что и его хозяйка.

«В следующий раз буду давать более конкретные указания», – сделала леди зарубку в памяти и, оставив стол заботам кухонных роботов-уборщиков, пошла к ангару с орбитальными челноками. Спуск на планету в ее корабле вряд ли возможен. Даже крошечная яхта с подпростраственным приводом была слишком велика для незаметных посещений планеты. Целям Даяны больше соответствовал одноместный челнок спасательной станции.

Холодный гулкий ангар вмещал две миниатюрные полусферы посадочных шлюпок. Проверив зарядку атомных батарей, Даяна освоилась с управлением и тут же убрала из навигационных приборов все опознавательные импульсы. Аварийные и географические. Если в момент ее посещения планеты на Миаллу прибудет другой корабль, челнок не должен подавать признаков жизни. База сообщит Даяне, что появились чужаки, но месторасположение шлюпки и сам факт спуска на закрытую планету должен оставаться в тайне.

Станция же обязана выполнить любое, самое странное указание госпожи Гунхольд, поскольку та ввела в ее память код секретной полицейской операции. И перебить тот код, переподчинить себе станцию мог только высший чиновник служб безопасности этой части галактики.

Или легис.

Но вряд ли высокопоставленный чиновник потерпит аварию в этом пустынном секторе. Подобные лица покидают насиженные места и оживленные трассы только при проведении каких-то полномасштабных акций.

А леди Геспард была очень осторожна. И не оставляла следов.

Орбитальный челнок пришлось затопить в океане.

К счастью для Даяны, выбранный ею город с крупным университетом стоял на побережье, так что, едва спустившись на пустынный берег песчаной бухты, леди приказала шлюпке укрыться в пучине и ждать ее возвращения, не подавая признаков жизни. Челнок послушно взмыл вверх, плавно, почти без брызг нырнул в глубину акватории и заглушил двигатель. Дистанционный пульт управления, закамуфлированный под кулон-амулет, перестал едва заметно вибрировать и повис на груди Даяны Геспард обычной камеей.

Леди стояла на берегу бухты и, ежась от порывов бешеного ветра, вслушивалась в бухающие удары штормовых волн, что падали на скалы, полукругом опоясавшие отрезок песчаного берега. Ни единый посторонний звук не примешивался к дикой какофонии бури. Удары волн, свист ветра и клацанье зубов, выбивающих нервную пляску.

Даяна крепче закуталась в меховой плащ и, не найдя тропинки, напролом пошла сквозь путаную поросль корявых кустарников. Раннее штормовое утро прекрасно подходило для незаметного спуска на поверхность запретной планеты, но, говоря честно, леди Геспард предпочла бы менее экстремальные условия. Например, тихую звездную ночь, треск цикад (или как тут называют местных кузнечиков) в сухой траве.

Но на побережье наступил сезон осенних бурь, и выбирать не приходилось. Тем более что зимние шторма бушуют с еще большей яростью.

Подгоняемая ветром, Даяна куталась в накидку и добрым словом вспоминала заботливую станцию. В каждый шов мехового плаща пошивочная мастерская базы вмонтировала климатические регуляторы, и накидка, хоть и выглядевшая насквозь промокшей, изнутри оставалась сухой и теплой. Облепленные песком и мокрыми листьями ботинки не чавкали жижей, а согревали ноги путницы, и если бы не дождь – лупивший сбоку, сверху, снизу, – полторачасовой марш-бросок до первых пригородных построек Даяна посчитала бы легкой, приятной прогулкой. Пройдя через прибрежные заросли, она сразу же попала на ровную, выложенную каменными плитами дорогу, и идти стало совсем не утомительно. Дважды встречным курсом проследовали тяжело груженные крестьянские телеги, но леди, испытывая непонятный страх, всегда скрывалась в густой поросли невысоких деревьев, прикрывающих дорогу с обеих сторон.

«Не надо трусить, не надо трусить, – уговаривала себя леди Геспард. Нет, теперь госпожа Гунхольд. И напоминала себе: – Еще до поступления лорда на дипломатическую должность ты прошла спецкурс адаптации к условиям иных цивилизаций. На базе ты прошла гипнокурс трех основных языков Сахуристарра. Ты знаешь, как себя вести, у тебя есть деньги, изготовленные базой, – ни один казначей не заподозрит их в неподлинности! Вспомни живописные полотна... фламандцев? Голландцев? Представь, что ты попала в средневековую Европу и где-то там уже стоит замок рода Геспардов, а старая свекровь заваривает чай и ждет тебя на завтрак... Успокойся!»

Легко сказать. Даяна не была шпионом, не проходила обучения на полигонах в обстановке, максимально приближенной к боевой, она – сбежавшая жена влиятельного дипломата, а ранее изнеженная дочь Верховного Нимврода Ловца Астероидов. Графиня Оскардуан – аристократка! – в шкуре беглеца.

«Ты пряталась и убегала четыре года от всей Вселенной, по всей Вселенной, против всей Вселенной! Осталось последнее усилие! Ты дошла».

Но раньше над Даяной не довлела необходимость. Раньше она могла уйти из космопорта, скрыться с «серой» пиратской базы, планета Сахуристар должна стать последним пристанищем. Здесь нельзя потерпеть неудачу. И потому каждый шаг требовал предварительной оценки и трезвого расчета.

Как примет ее этот мир?

Как чужака? Ополчится и начнет гнать или останется равнодушным и терпимым?

У Даяны еще оставались некоторые ментальные способности, – подойдя к шлагбауму, перегородившему дорогу к городу, она уловила недоумение в мыслях стражника. Высокий мужчина в длинном кожаном камзоле с железными нашивками на груди и спине немного скривил исполосованное старыми шрамами лицо и, подавив зевок, открыл дорогу без всяких просьб со стороны Даяны.

«Островитянка? – подумал стражник. – Почему пешком, так рано?.. – Потом оставил догадки и пустил вдогонку Даяны ленивую мысль: – Да кто их разберет, этих островных... Ходят, ходят, сидели бы на своих скалах, не лезли...»

Пройдя метров двести от шлагбаума, леди увидела на дороге вывеску трактира. «Приют странника» приглашал отобедать, накормить лошадей и отдохнуть в приятном месте «недорого и с удобствами».

У конной привязи топтались три понурые расседланные лошади, рыжая собака – даже животный мир во многом напоминал Землю! – лежала под навесом и с увлечением искала блох на желтом брюхе.

Когда Даяна поднялась на чистое сухое крыльцо трактира, собака подняла морду, поглядела на путницу и лениво тявкнула. Без злобы, для проформы.

«Если и люди в таверне так же скупы на эмоции, знакомство с сахуристарцами пройдет без лишних треволений», – подумала леди Геспард и толкнула дверь трактира.

В довольно большом полутемном зале гостиного двора было тихо и удивительно опрятно. Запахи кухни не вызывали отвращения – как бывало на многих мирах, что посещала жена дипломата, – они были четкими и понятными. Здесь витали запахи мяса, прожаренного над огнем, пряностей и совсем немного острого сыра. Трое мужчин в дорожной одежде сидели за одним столом и, горячо переговариваясь, отправляли в рот ломти хлеба с толстыми пластами сыра и руками рвали жареное мясо крупной птицы. На стук входной двери мужчины поначалу не обратили внимания, продолжили жестикулировать, размахивая руками с зажатými бутербродами и мясом, капающим на стол прозрачным жиром.

Но вот один из них, тот, кто сидел лицом к двери, прищурился, замер и, перестав жевать, уставился на гостью.

«Островитянка? – пронеслось у него в голове. – Здесь?»

Именно за этой реакцией и пришла сюда Даяна. Она не могла знать, как примут «женщину с островов» в университете, не знала, как вести себя и отзываться на странности поведения сахуристарцев.

Планета была слишком плохо исследована, взаимоотношения рас и кланов не подвергались детальной разработке, да и два с половиной столетия могли принести что-то новое в отношении к островным жителям.

Пока леди Геспард не почувствовала угрозы. Удивление, некоторая опаска, но больше всего – тщательно скрываемое любопытство и какая-то эмоция, напоминающая боязнь... сглаза? Порчи? Колдовства?

«Чур, чур меня, – мысленно забормотал посетитель, забывший жевать. – Встретится же ведьма на самой дороге...»

Ведьма. Именно это земное слово больше всего соответствовало определяющей сущности женщины с островов. Колдунья, ведьма, чародейка. За этим словом не скрывалось зло, как

если бы Даяну обозвали «чернокнижницей, чертовой ведьмой», островитян, похоже, считали белыми магами...

«Позже надо будет разобраться с этим колдовством», – подумала миледи и вдруг поймала новую, досадливую мысль путешественника: «И почему я камень не надел?!»

Камень? Что за камень?

И почему мысли остальных двух мужчин остались закрытыми для Даяны?

Но разобраться с этим казусом было некогда. Легко огибая тяжелые деревянные столы и скамейки, к посетительнице спешила хозяйка заведения. Полная добродушная тетушка в сером чепце и таком же сером переднике поверх коричневого платья, она на ходу обтирала руки чистым полотенцем... «Островитянка?! Боже, а у меня воняет луком!»

Не воняет, могла бы сказать Даяна. Но мысли женщины были полны дружелюбия, и Даяна улыбнулась:

– Хорошего вам дня, хозяйка.

– И вам того же, госпожа. Откушать изволите?

– Пожалуй. Немного сыра, хлеба и кусочек мяса.

– Вина?

– Нет, лучше подайте горячего вара.

Вар – травяной настой, напоминающий земной чай с множеством добавочных ингредиентов.

– Цветочный или пряный?

– На ваше усмотрение.

«Как хорошо, что свежего заварила, – убегая, подумала тетушка. – Сбегаю-ка я в комнату, камень надену...»

Снова камень.

Даяна села у небольшого окошка и, глядя на дорогу, оперлась спиной о стену.

Закрытая планета преподносила сюрпризы. Мысли двух из трех завтракающих мужчин оставались закрытыми, хозяйка, резво возвратившаяся с подносом в руках, тоже перестала думать?

«Такого не бывает, – откусывая небольшой кусочек мягкого хлеба и такого мягкого, пахучего сыра, размышляла леди. – Войдя сюда, я четко уловила мысли хозяйки, но сейчас контакт прервался. Почему?»

С шеи женщины, когда она расставляла тарелки и прочие приборы, свешивался шнурок с болтающимся антрацитово-черным камнем. Еще несколько минут назад этого кулона не было, длительная жизнь в бегах приучила леди Геспард быть крайне внимательной к мелочам.

Хозяйка надела украшение – и контакт прервался?

Все дело в черном камне, упавшем на ее пышную грудь? Камень обладает свойством ментальной преграды?

Спустя короткое время мимо Даяны прошли три путешественника, у двоих из них на груди весели похожие амулеты, а третий старательно бубнил: «Чур, чур меня!»

Итак, все верно, дело – в камне.

Пораженная открытием, леди забыла о еде. На Сахуристаре существует раса телепатов-островитян, и также где-то здесь находится природный источник минерала, способного блокировать ментальный контакт.

Невероятно! Почему об этом не упоминалось в отчетах исследовательских экспедиций?! Ведь триста лет назад в галактиках всюду бушевала война телепатов с нементальными расами, а здесь, на этой убогой планете, уже тогда находилась панацея от всех бед и кровопролитий. Первые исследовательские экспедиции посетили Сахуристар как раз в это время! Изыскателям было достаточно упомянуть о странных минералах в своих отчетах, и с планетой стали бы вести

торговлю. Обязательно! В этой войне погибло столько безвинных людей, что на недостаточное развитие цивилизации Сахуристарра просто не обратили бы внимания!

Почему триста лет назад и позже экспедиции не доложили об открытии? В них, разумеется, не было телепатов и на камни просто не обратили внимания?

Или... это проделки легисов?

Или источник минералов столь скуден, что ни в коей мере не уравнивал бы соотношение сил – ментальных и нементальных?

Но камни должны были хотя бы подвергнуть научным исследованиям! Не исключено, что их качества можно синтезировать!

Нелепость. Загадка и нелепость.

Даяна с раздражением отодвинула тарелку с остывшим мясом. И как теперь расплачиваться за обед?! Она надеялась прочесть ответ в мыслях трактирщицы и оставить на столе сумму, равную меркам этой таверны, – не слишком большую, но достаточную...

В слегка приоткрытую шелку двери в таверну просочился вертлявый мужичок в потертом камзоле и разбитых, драных сапогах. «Три деньги, – сновали как в тумане мысли пьяницы, – всего лишь три деньги... А если не подаст?!»

– Ну, – сложив пухлые руки на переднике, навстречу выпивохе выдвинулась хозяйка, – опять пришел?! В долг не продам.

– Есть три деньги, – проямлил мужичок.

– На кружку вара, – сурово отчеканила трактирщица.

– А винца?

– А ты дров наколот?!

– Так это... наколю ужо... – И обернулся к двери, явно намекая: «Сейчас стоню к поленнице, вот только бы винца вначале».

Зацепился взглядом за Даяну и обреченно подумал: «Эта-то небось на целую денежку обедает...»

Даяна усмехнулась, достала из поясного кошелька «целую денежку» и, положив большую серебряную монету на стол, сказала хозяйке:

– Налейте ему вина. Я заплачу.

Судя по реакции хозяйки, выпивоха немного преувеличил аппетиты Даяны, и трактирщица осталась довольна. Мужичок проворно юркнул за соседний стол и, едва леди вышла за дверь, мгновенно подхватил хлеб и мясо с ее тарелки.

«А я богачка, – спускаясь с крыльца и обходя уснувшую собаку, подумала Даяна. – Инфляция на Сахуристарре практически отсутствует». В кошельке тяжеловесно постукивали монеты гораздо большего достоинства, чем денежка. Еще две серебряные монеты были самыми мелкими из тех, что приготовила ей база.

Леди уверенно шла по недавно пустынным, а теперь таким многолюдным улицам пригорода. Она шагала в толпе ремесленников и торговцев, спешащих к городским воротам, прислушивалась к мыслям, обтекающим ее со всех сторон, и чувствовала себя диковинным разнообразием в череде ежедневных скучных пробежек – от дома до работы и обратно. Практически каждый сахуристарец оторопело или искоса взирал на чужестранку: «Островитянка? Здесь? Зачем пришла?! Чур, чур меня! И что я камень не надел?!»

Ворота городской стены были открыты настежь, никто не спрашивал входящих: «Куда идете?», день был обычный, муторный, рутинный, и только чужестранка в бордовом плаще, подбитом черным мехом, выделялась в толпе работяг. Один из стражей городских ворот вдруг сделал шаг, вроде бы собрался остановить Даяну, но леди бросила на него такой обжигающе-надменный взгляд – куда там охраннику в пятнистом от капель соуса камзоле, дипломатическая школа Конфедерации идет! – что бедолага мгновенно скусился и сделал незначительное лицо.

«Чур, чур меня! Еще напустит порчу!»

Не встречая никаких препятствий, леди дошла до Ратушной площади, обогнула собор и, немного, совсем немного трусая, подошла к запертым воротам университетского двора.

Час был ранний. Ремесленники уже спешили к своим станкам и верстакам, а люд ученый только-только зевал над первой чашкой горячего вара.

Собравшись с духом, Даяна ударила железным кольцом ручки о кованую блямбу, и громкий стук разнесся по еще сонным и еще почти пустым улицам центральной части города.

Недовольное бородатое лицо на мгновение показалось в квадратной прорези окошка, было похоже, что ретивый стражник собирался шугануть раннего визитера, но, увидев перед собой даму в бордовом плаще и без головного убора, в долю секунды поменял решение. Сменил недовольную мину на пугливо-озабоченную.

– Откройте, – приказала Даяна.

– Так нет никого еще... – завел песню страж.

– Откройте, – повторила она.

Лицо охранника исчезло, и тут же раздался почти истерический вопль:

– Господин Вольтен, господин Вольтен! Тут к нам... Тут к вам...

Но не договорил и заскрежетал засовами.

Репутация ведьмы не терпела проволочек.

Толкнув массивную, обитую железом дверь, леди Геспард вошла во внутренний двор университета, с трех сторон окруженный высокими каменными стенами зданий с большими окнами, – по первым этажам шли разноцветные ряды витражей, второй и третий этажи смотрели на мир чистыми прозрачными стеклами.

«Ухоженное место, – разглядывая чистый двор и беседки в глубине небольшого центрального сквера, подумала леди. – А служащие – сони».

Но ранний час не случайно был выбран для первого визита. Даяна не знала, сколько времени займет изучение библиотеки, поиск топографических карт и работа с орнитологическими справочниками: возможно, день, возможно, два, но не исключено, что и неделю. И отвлекаться сразу на привыкание к себе и перешепот за спиной ей не хотелось. Пусть слухи о появлении в стенах университета ведьмы с островов разрастаются без ее личного присутствия. До появления студентов и преподавателей Даяна надеялась уже скрыться за книгами и прочно осесть в библиотеке.

Вот только позволят ли?

Она так мало знает об условностях этого мира! Что, если визит островитянки, подсмотренный с орбиты Миаллы, всего лишь единичный случай! Он не имел к научным изысканиям никакого отношения, был всего лишь частным и дама пришла в университет на короткое время, быстро покинув его здания? Даяна так мало знала о Сахуристаре!

...Коротконогий рыхловатый субъект, путаясь в полах длинной мантии и завязывая на ходу ее тесемки у горла, торопливо спускался с крыльца. На его левой щеке еще не разгладился след от складок подушки, что так недавно нежно прижималась к его лицу...

Субъект, по всей видимости начальник хозяйственных служб, спешил к надменной даме, и мысли его путались не хуже балахона мантии. «Островитянка?! Здесь?! Зачем?! Какая жалость, что нет декана! Уж он бы разобрался с этой гордячкой... Все я один, все я один...»

– Хорошего вам дня, госпожа, – подбегая к посетительнице, выдохнул завхоз.

– И вам того же, господин, – сказала леди и замолчала.

– Вы к нам...

– По делу. Допустите меня в библиотеку?

– Ну-у-у... – Завхоз беспомощно взглянул на застывшего столбом стража, словно именно от него зависело разрешение на доступ к научным архивам. – А что... вы... вам...

Даяна сосредоточилась и опустила на растревоженного хозяйственника мысленное покрывало теплого приветствия: «Успокойся, перед тобою друг. В госте нет беды. Она пришла за помощью, за знаниями».

– А впрочем, – пробормотал завхоз, – почему бы нет? Пойдемте, госпожа.

Так начался для леди Геспард первый день усердных кропотливых поисков. Перебирая огромные листы топографических карт, сравнивая их с орнитологическими справочниками, Даяна довольно быстро определилась по месту: юго-восточный полуостров Северного континента. Только там встречались равнинные лиственные леса и птица лейла.

И надо сказать, что именно птица помогла леди в ее изысканиях. Лейла оказалась редким эндемиком, и благодаря ей ореол поисков сузился до одного полуострова графства Урвата.

Распрощавшись с показательно нелюбопытными библиотекарями и архивариусами, Даяна нанесла последний визит ректору университета – пожилому сухопарому академику, беспрестанно поглаживающему кусочек черного камня в кармане, – и оставила щедрое пожертвование. Все три дня, что леди провела в заведении, вверенном его заботам, ректор оберегал «ведьму» от назойливого внимания резвой студенческой братии и заслужил благодарность. Его строжайший приказ – не мешать и на глаза лишний раз не попадаться! – выполняли все. И только старенький картограф иногда помогал госте проводить сравнительную характеристику небольших рек полуострова Урвата.

– Прощайте, господин ректор. И спасибо, – сказала леди-беглянка и вновь пустилась в путь. Теперь в наемном экипаже с кучером-проводником на козлах.

Дни летели за днями, река меняла реку, селения мелькали за окнами кареты, но дивный лес, дубрава с чистым родником все ей не попадались.

Почти теряя надежду разыскать место, где так долго она бродила в своих снах, леди приехала в деревню, раскинувшуюся на пригорке возле небольшой речки Тайны. В разгар зимы, уставшая и измученная безрезультатными поисками, разбитыми дорогами, однообразием пищи придорожных трактиров и настороженным вниманием публики, леди вышла из кареты возле небольшого гостиного двора, и первым, что привлекло ее внимание, стал старик, одетый в утлый тулупчик. Старичок услужливо придержал дверцу экипажа и вежливо спросил:

– Чего-то ищите, добрая госпожа?

– С чего вы взяли? – устало удивилась леди Геспард.

– А чего вам еще делать в наших краях-то и в этом клоповнике? – смешно собрав вокруг носа сотню морщин, скривился старичок. – Ужо, поди, не мягкую перину. Здесь отродясь перин-то не водилось.

– Ищу, – согласно кинула путница. – Ищу место для дома на берегу реки. Тихая дубрава, поляна, родник в тени у косогора...

– Так есть! – обрадовался селянин.

– Так было, – грустно усмехнулась леди. – И лес, и косогор, родник, поляна. Все было, и все не то.

– А здесь есть, – упорствовал старик. – Там лейлин луг и заводь...

– Подождите, – перебила словоохотливого старичка Даяна. – Почему луг – лейлин?

– Так много их там летает. А уж когда брачные игры затеют – загляденье! Хвосты расправят, песни горланят...

Ноги Даяны внезапно сделались ватными, в голове зашумело, и леди, схватив старика за рукав тулупа, горячо зашептала:

– Отведите меня туда, сейчас, немедленно...

– Так ночь! – опешил старичок.

– Нет, сейчас!

Но кучер уже распрягал лошадей.

– Дождитесь утра, добрая госпожа, – посоветовал деревенский абориген. – Там сейчас грязь непролазная, завязнете еще в темноте-то. И места не увидите.

Старичок протянул руку, собираясь помочь страннице взойти на крыльцо гостиного двора, но из-под неплотно застегнутого на груди плаща Даяны вдруг высунулась полосатая когтистая лапа и метко ударила селянина по заскорузлым пальцам.

– Ой! – вскрикнул старичок и проворно убрал руку за спину. – Что это?!

– Моя охрана, – усмехнулась леди и задумчиво оглянулась на разбитую зимними дождями дорогу, поливаемую с неба жуткой смесью из дождя и снега.

Старичок заинтересованно смотрел, как нечто небольшое, но громко урчащее копошится под плащом на груди незнакомки: из-под одежды, раздвигая отороченные мехом складки, вылезла усатая кошачья морда. Сначала показалось островерхое ухо, потом блеснул настороженный желтый глаз и некоторое время изучал селянина, затем, видимо не найдя в аборигене ничего всерьез опасного, появилась вся кошачья морда целиком.

Путница привычно погладила зверька между ушами и сказала то ли ему, то ли себе:

– Неужели нашли? Боюсь поверить...

Только во время первого спуска на планету Даяна оставила Кавалера на станции. Чужестранка, изучающая в университете орнитологические справочники, – и без полосатого кота в сопровождающих лицах событие из ряда вон. Кавалер безропотно выслушал приказание – гулять по станции, приборами не баловаться, есть, спать, нужду справлять в строго отведенном месте, и вообще сил набираться – и не сделал даже слабой попытки проникнуть на борт орбитальной шлюпки контрабандным грузом.

Кот был другом и союзником, он оставлял для шалостей минуты полной безопасности и никогда не доставлял хлопот хозяйке. Указания ему требовались лишь в виде последнего приветия.

Даяна попросила базу сшить ей нагрудный карман-сумку, и всю зиму Кавалер и леди согревали друг друга в утомительных переездах. Кавалер пел хозяйке уютные кошачьи песни и всегда был настороже. Так уж сложилось, что постепенно он снова взял на себя привычную роль охранника и разведчика. Все прошедшие четыре года у него это неплохо получалось. А уж на планете, где напрочь отсутствовало скорострельное оружие, кот и вовсе обрел себя. Его природное вооружение – острый слух, острый глаз, чуткий нюх и отменно заточенные когти – уже дважды выручало Даяну из беды, когда подвыпившие посетители таверны пытались навязать леди свое общество. А надо сказать, что только сильно перебравшие хмельного сахуристарцы могли себе позволить выпады против женщины с островов! И в обоих случаях появившийся из-под тяжелой зимней одежды шипящий, разъяренный кот нагонял на них такой суеверный ужас (!), что дебоширы вмиг трезвели и иного вмешательства уже не требовалось. Деревенские пропойцы тотчас вспоминали все детские страшилки «вот придет ведьма, увезет тебя на остров да в козла превратит», что в один момент становились приличными гражданами.

...Всю ночь Даяна просидела у окна гостевой комнаты таверны. Впервые за долгие месяцы путешествия ей не пришлось расспрашивать жителей о роднике у косогора, о тихой заводи и дубраве с деревьями, чьи стволы невозможно обхватить руками. Впервые мимолетное упоминание леса из ее сна вызвало ответ – так есть!

– Боюсь поверить, – шептала леди, и преданный кот, урча и щурясь, терся об ее руку чуткими ушами. Он тоже ждал, надеялся и верил.

Колеса дорожной кареты то вязли, то проворачивались в склизком, напоминающем раскисшее масло грунте. Возница кричал на лошадей, старичок-абориген, взявшийся проводить путницу до лейлина луга, тоже с удовольствием драл горло, Даяна прильнула к запотевшему

окну, через совсем короткое время не выдержала и, не обращая внимания на сыпавшуюся с неба ледяную крупу, открыла окно и почти наполовину высунулась наружу.

Сердце стучало и отбивало – здесь, здесь, здесь! Даяна уже узнавала поворот реки, очертания опушек, расположение холмов и впадин. Все это было когда-то подарено ей в видениях чужой памятью. За сотни лет дубрава разрослась, родник скрывали заросли остекленевшей на ледяном ветру осоки, но это было здесь. Сомнений не осталось, они дошли.

– Стойте! – крикнула леди и, не дожидаясь, когда карета замрет, выпрыгнула на чавкнущую водяной жижей траву.

Большая поляна в окружении старых деревьев ждала ее невероятно долго. Родник зарос, болотная трава опутала источник, но это не беда. Очистим. Поросль кустов спрятала изгиб реки, коряга, с которой прыгали лягушки, уже давно ушла под воду и растворилась в тине. Камень, на котором Даяна сидела, глядя на резвящихся рыбок, покрылся мхом...

Все было так. Лишь только время немного исказило фотографическую точность пейзажа. Но это не беда. Она нашла.

Золотые монеты, что в точности отчеканила база, рассыпались веером. Весь конец зимы и начало весны Даяна строила дом.

Подрядчики и каменщики, столяры и краснодеревщики трудились сутки напролет. Деревенский староста, получивший щедрую мзду от заезжей госпожи-чудачки, удивлялся скорости, с которой возводились стены. Разыскивая это место, леди давно, в нудном однообразии путешествия, продумала каждую мелочь в создании жилища. Огромный котлован подвала, как представлялось Даяне, заполнят припасы и кое-что из бытовых приборов базы. Уютные комнаты и спальни не закоптят плохие камины и ленивые печи, окна всегда будут чистыми...

Кстати, о чистоте. Странствуя по дорогам герцогства Урвата, Даяна больше всего поражалась количеству мусора, окружающего каждый дом. Отходы выбрасывались практически безнадзорно и куда попало. Черепки битой посуды застилали задние дворы трактиров, огрызки, шелуху и кости ковыряли чумазыми носами свиньи, куры копошились в завалах грязи, а крысы...

Ох уж эти крысы! Они покоя не давали деятельной натуре Кавалера!

«У меня будет иначе», – думала Даяна, и первое, что заработало в ее доме, был миниатюрный утилизатор мусора с атомным энергообеспечением. Невдалеке от дома, для отвода глаз, рабочие выкопали небольшую яму для отходов, но копать там грязь?! Разводить крыс и привлекать животных со всего леса?!

Нет, увольте. Графиня Оскардуан, леди Геспард не настолько одичала, чтобы не прислушиваться к запаху гниющих отбросов летними ночами.

База закамуфлировала утилизатор под обычное ведро, деревянный чан скрывал в себе аппарат для чистки одежды, – какая вонь порою шла от потных работяг, трудившихся на постройке дома, цивилизованному человеку даже представить невозможно! – на этом привлечение современной техники Даяна прекратила. Интерьеры и кухня ее дома полностью соответствовали обычаям Северного континента. Каменная печь-жаровня, огонь, поддерживаемый дровами из поленицы, пучки и связки трав и корней, развешанных по стенам. Могучие дубовые сундуки с припасами одновременно выполняли роль скамеек...

Вот только сидеть на них было некому. Леди хватало одного стула с резной спинкой, Кавалер предпочитал свернуться на ее коленях, а гостей Даяна не принимала.

Как только утихли страсти и разговоры о чудачествах «ведьмы», леди превратила свой дом в жилище отшельницы. Лишь иногда, показывая, что все еще жива, она появлялась в деревне, покупала совершенно не нужные ей вещи и кое-какую провизию и обязательно единственный в этой глуши газетный листок. Торговцы и ремесленники не раз ей намекали, мол, все, что надо, привезем, доставим, но Даяна каждый раз отказывалась. Все эти посещения

стали бы лишним поводом для сплетен. Ведь если бы не боязнь ополчить против себя ближайшую деревню, она бы даже на постройку дома пригласила мастеров из других областей герцогства. Ей не хотелось, чтобы внутреннее убранство ее дома выступало темой для разговоров над кружкой пива или пальцами кумушек-кружевниц.

Но пригласить чужих строителей – значит обидеть, оставить без заработка каменщиков и плотников деревни. Так что в течение нескольких месяцев Даяне пришлось мириться с любопытством и расспросами коренных своих соседей. Их удивляло все. Высокий потолок – так не протопите зимой! Большая кухня – здесь будет новая таверна? Глубокий каменный подвал – свинью сюда спустить, так слишком хлопотно... Зачем такие окна? В них конь пройдет не нагибаясь! Ведь не замок. Не таверна. Не магистрат. А просто – дом.

Дом ведьмы обсуждали год как главное событие.

Потом затихли. Пожар сожрал добрую четверть деревенских построек, и заботы-горести заставили утихнуть пересуды.

Лесная ведьма – уже не «островная» – постепенно приучила соседей к своему присутствию и к дому на лейлином лугу.

Студент

Зафс никогда не боялся брать на себя ответственность.

Порой он ловил себя на мысли, что чувство причастности ко всему, что происходит, причем не только вокруг него, он получил еще до своего рождения. Брать на себя важные решения, не перекладывать их на чужие плечи он умел всегда. «Я так решил», – мог бы юноша сказать отцу, и вряд ли доктор Варнаа стал бы спорить с сыном. Лишь только добровольное согласие, основанное на любви, спасало их от противоречий.

Но не теперь. Теперь настало время решений.

Зафс ждал четыре дня, продумывал каждый шаг ухода от родителей и мысленно прощался с домом, покоем вязких мыслей, размеренным существованием и, главное, разимом. Как только он получит в банке некое послание и оставит позади ловушки космопорта, с разимом будет покончено. Нет сил терпеть головную боль, болотистую тину мыслей и дряблое существование сознания.

Но что, если ясность восприятия уже потеряна, убита разимом навсегда? Вдруг чистое сверкание мыслей не вернется?!

Нет, больше ждать нельзя. Зафс чувствовал себя пленником не нужных и уже опасных обязательств. Четыре дня он оставил себе для прощания, и повернуть решение вспять было уже невозможно. Он так решил.

Изнауря себя физическими упражнениями до черноты в глазах, юноша занимался на тренажерах спортивного комплекса университета. Бегал, плавал, бился на ринге, опять бежал и снова плавал. Только физическое изнеможение спасало от приступов ментального восприятия, разим почти перестал блокировать «всплески» и только добавлял к боли в мышцах нестерпимые мозговые спазмы.

Но сосредоточение на боли спасало от желания думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.